ПИОНЕР

1

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Москва. Январь 1929.

Почти пять лет существует журнал «Пионер». Пять лет—очень много. За это время наши первые читатели выросли и появилось столько же, если не больше—новых. Бывало придет в редакцию парень ростом в сажень, усы в два метра и голос, как из бочки.

— Не узнаете?—говорит.—Странно, ведь я ваш деткор такой-то.

Было этому деткору такому-то пять лет назад пятнадцать лет, теперь стало двадцать, он конечно вырос.

Вы, теперешние читатели, тоже будете читать журнал не вечно, не вечно вы будете пионерами, не всю жизнь будете учиться в школе. Наступит время—вы выйдете из отряда, из школы взрослыми, сформировавшимися людьми. И тут-то мы все увидим—какого человека из вас воспитала работа в отряде, учеба в школе и журнал «Пионер», который вы читали много лет.

С большим волнением встречает редакция «Пионер» своих бывших читателей и деткоров. Нас очень волнует вопрос о том, кто наш гость: здоровый и бодрый участник социалистичесткого строительства, человек, который действительно готов к борьбе за рабочее дело, или обыватель, мещанин, который ставит свои личные дела выше общественных, которому важно получить в жизни местечко потеплей, да поспокойней.

Нам важно узнать—удалось ли воспитать нового человека или перед нами старый человек, человек-обыватель, человек-мещанин.

У нашего журнала очень большая задача, и эту задачу он должен выполнить, но не так, как это делает газета (она выходит чаще и может быстро откликаться на все события), и не так, как это делает книга, которая собирает материал только по одному вопросу или дает одну повесть на одну тему.

На всех читательских конференциях, которые созывал журнал «Пионер», читатели требовали, чтобы журнал давал все—и рассказ, и повесть, и научный материал, и технику, и все, что их интересует. Читатели конечно были совершенно правы. К сожалению «Пионер» не может выпрыгнуть за пределы 24 страниц с обложками.

В 1929 году в журнале будут три основных раздела, в которых, в свою очередь, будет много маленьких отделов.

Первый раздел—беллетристика, художественная литература. У редакции есть две больших вещи, которые должно быть весь год будут интересовать читателя. Первое, что мы начали печатать в № 1—«Демид Шапкин» А. Кожевникова. Эта повесть будет печататься во многих номерах, опишет жизнь современной школы. Мы возлагаем большие надежды на эту вещь. Думаем, что она заинтересует учащихся и вызовет споры. Эти споры мы будем обсуждать в самом журнале, в «Бумеранге».

Вторая вещь, которая у нас есть,—это повесть Л. Кассиля «Кондуит». «Кондуит»—это повесть о старой школе, о гимназии до революции и во время нее. Л. Кассиль—молодой писатель, ему 23 года. «Кондуит»—это его воспоминания о том, что действительно происходило в Покровской гимназии. Повесть читается интересно—уснуть нельзя

Вот две большие вещи, которые у нас есть на 1929 год

Очень большое значение мы придаем второму разделу. Это раздел, в котором сами читатели должны принять большое участие. Журнал не может угнаться за газетой в обсуждении так называемых злободневных вопросов, да он и не должен за ней гоняться. Глупо устраивать состязания на быстроту между автомобилем и трактором, конницей и танком. У каждого свое место и свое назначение. В 1929 году журнал поставит со всей серьезностью обсуждение бытовых вопросов. Отношения между родителями и детьми, педагогами и учениками, вожатыми и пионерами, мальчиками и девочками, вопросы о том, что делать после школы, как выбрать профессию,—конечно в обсуждении таких вопросов мелкими заметками не отделаешься. Читатели должны будут писать нам письма, посылать свои записки, дневники. Все эти серьезные вопросы мы будем по-серьезному обсуждать. Мы думаем, что у наших школьников и пионеров возникло много вопросов, над которыми они много думают, которых не могут разрешить.

Третий раздел—научно-образовательный. В этом разделе мы постараемся давать, чего вы не изучаете в школе.

Чудеса техники, новые изобретения будет давать клуб инженер-пионеров (КИП); как вам известно, все читатели могут стать членами КИП'а и участвовать во всех его работах.

В 1929 г. «Пионер» постарается дать такой материал, который будет расширять ваш кругозор, покажет вам много нового и интересного. Читатели познакомятся с биографиями революционеров, ученых, писателей, а биография—это чуть ли не самый интересный вид литературы. В журнале будет напечатано больше сорока биографий существовавших и несуществовавших людей (оказывается бывали и такие).

Все наши хорошие намерения конечно пропадут, если журнал будет скучен. Скучных рассказов читать не будут, скучных статей тоже не будут читать, и никакого толку из наших затей не получится. Поэтому все, что будет печататься в журнале, редакция постарается обработать таким образом, чтобы оно было интересно всем людям от семи до семидесяти лет, а главным образом школьникам и пионерам. И Кузька для этого существует в журнале, и веселый отдел будет реорганизован и станет лучше, чем в прошлом году, и все статьи даже о самых серьезных вещах будут занимательно написаны.

Журнал «Пионер»—единственный всесоюзный журнал школьников и пионеров. Вы, читатели, должны требовать от редакции, чтобы он был хорошим, веселым, интересным, чтобы он воспитывал нового человека, человека-общественника, хорошего товарища пионерам и школьникам своей школы, своего отряда, своего города и всего СССР. «Пионер» должен воспитывать из своего читателя друга и брата рабочим ребятам всего мира.

РЕДАКЦИЯ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Москва,
Центр, Новая площадь, д. 6.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 мес.	3 р.	— к.
» 6 »	1 »	60 »
» 3 »	— »	85 »

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН. Отв. редактор И. РАЗИН

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ЯНВАРЬ

№ 1

1929 г.

ПИОНЕР

Двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ и МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Руководительница Анна Павловна Шапкина вышла из учительской с заплаканным лицом. Она заперлась в своей трехаршинной комнатке и села к раскрытому окну. За окном шуршали желтеющими листьями тополя. По щекам Анны Павловны, румяным от чахотки, катились слезы и падали на подоконник.

За стеной шумели дети. Они о чем-то быстро тараторили, потом весело хохотали и снова начинали тараторить.

Изредка слышались выкрики:

— Я, я! Нет, я! Я давно не рисовал, я что-то придумал!

Шум детей напомнил Анне Павловне, что она должна поговорить с Демой и Верочкой. Она открыла дверь и крикнула:

— Дема, Верочка, идите ко мне, скорей!

В рабочей комнате раздался многоголосный хохот.

Шапкина крикнула громче:

— Дема, Верочка, я вас зову!

В комнату вбежали Дема и Верочка, сын и дочь Анны Павловны, оба с искрами веселого смеха в глазах.

Верочка обняла мать за шею и начала, смеясь рассказывать:

— Мы рисуем рожи. Ох, и весело! Демка нарисовал рожу. Вместо глаз у нее кастрюли, в зубах большая картошка, а на ногах чугуны и кочерга в руках, подписал „Завхозиха". Посмотри, мамочка, очень смешно.

Верочка прыснула и откинула назад свою голову с двумя жидкими косичками.

— Верочка, успокойся. Присядь, попрыгунья, и ты, Дема, садись,—мать показала детям на кровать.— Вы ничего не знаете?

Дети было сели, но встревоженные словами матери, подбежали к ней.

— Что такое?—спросил Дема.

— Ты плачешь, мама?—прошептала Верочка.

— Нет, ничего.

— У тебя бегут слезы.

— Замолчи, Верочка,—Анна Павловна глубоко вздохнула и начала рассказывать, поминутно утирая надоедливые и непослушные слезы:—Наш дом переводят, закрывают. ОНО предписало приготовить детей к переезду.

— Ну, и поедем, чего плакать, — грубовато проговорил Дема.—Давно пора, надоело здесь и тесно. Вчера ко мне на кровать положили Пестрякова, и он не дал заснуть, всю ночь чесался да вертелся. Это уж не дом, когда спят по-двое. Поедем, и плакать здесь нечего.

Дема хотел побежать и об'явить товарищам, что дом переводят, куда-то все поедут, может далеко и по железной дороге, будет весело, но мать удержала его.

— В том-то и дело, что мы не поедем.

— А куда же мы? — встрепенулась Верочка.

— Потерпи, егоза. Мы — не знаю, на улицу. Берут только сирот, а у кого есть дом, родные, тех по домам. Вы не знали, что вас оттого и держат в доме, что я здесь служу.

— Ты будешь служить в другом месте.

— Не буду, Верочка, меня сократили. В другом месте и своих руководителей много. Дом уедет, а дачу сдадут, и надо нам подумать, где жить.

— Нас выгонят?—спросил Дема.

— Может и не станут гнать, а жить все время не позволят. И есть ведь, Демочка, надо, — мать отвернулась к окну, а детям велела уходить.

Дема вышел в сад, где падали листья, и сел на скамью. Он достал перочинный нож, начал стругать им скамью и думать о словах матери.

Два года назад у него умер отец. Он лежал в гробу под белой простыней, а мать стояла на коленях перед гробом, плакала и говорила с мертвым. Она как бы упрекала его, что он оставил ее одну, покинул на нужду и горе, как бы жаловалась кому-то, что муж умер слишком рано. Дема стоял в углу комнаты, глядел на мать и на отца. У него родилась тогда обида на них. Отец умер и не подумал, что будет с ним, Демой, и с Верочкой. Мать заботится только о себе, как ей жить, с кем посоветоваться, на кого опереться в нужде, а не вспомнит их, детей. Деме показалось, что мать также холодна и мертва, как и отец. Он хотел прижаться к ней, но испугался—а вдруг она оттолкнет, вдруг не узнает, вдруг посмотрит мертвыми глазами.

Мальчик ушел в поле, где пробыл до ночи. Он садился на мокрые межи, глядел на чернобыл, качаемый холодным ветром, и думал, что не пойдет к отцу и матери. Его пугала каменная бледность отца, согнутые ледяные пальцы, пугало горе матери только о самой себе.

Дема вспомнил Верочку, как она от криков матери забилась под кровать, и решил вернуться. Он нашел Верочку в углу за сундуками и присел к ней.

— Я боюсь, — шептала Верочка и цеплялась за брата.

Дема уговорил ее раздеться и лечь в кровать. Он вместо матери рассказал девочке сказку про черного дрозда и сам лег спать только когда сестренка разметала руки и чему-то заулыбалась во сне.

Отца хоронили утром. Был дождь, облачное небо, мокрые тоскливые деревья. Мать шла за гробом и плакала, забыв Дему и Верочку, которые шли рядом с нею. И мальчик опять думал, что лучше уйти из дома, где его перестали замечать, где мать, охваченная своим горем, забыла детей. Отца похоронили, родственники разошлись, и Дема и Верочка остались наедине с матерью.

Мать позвала детей. Верочка крепко прижалась к коленям матери. Дема подошел с опаской. Он все думал, что у матери холодные руки, и она ими прикоснется к нему.

Мать горячими руками обняла сына, поцеловала в лоб и сказала:

— Теперь мы одни остались, одни жить будем. Любишь ли ты, Демочка, свою маму?

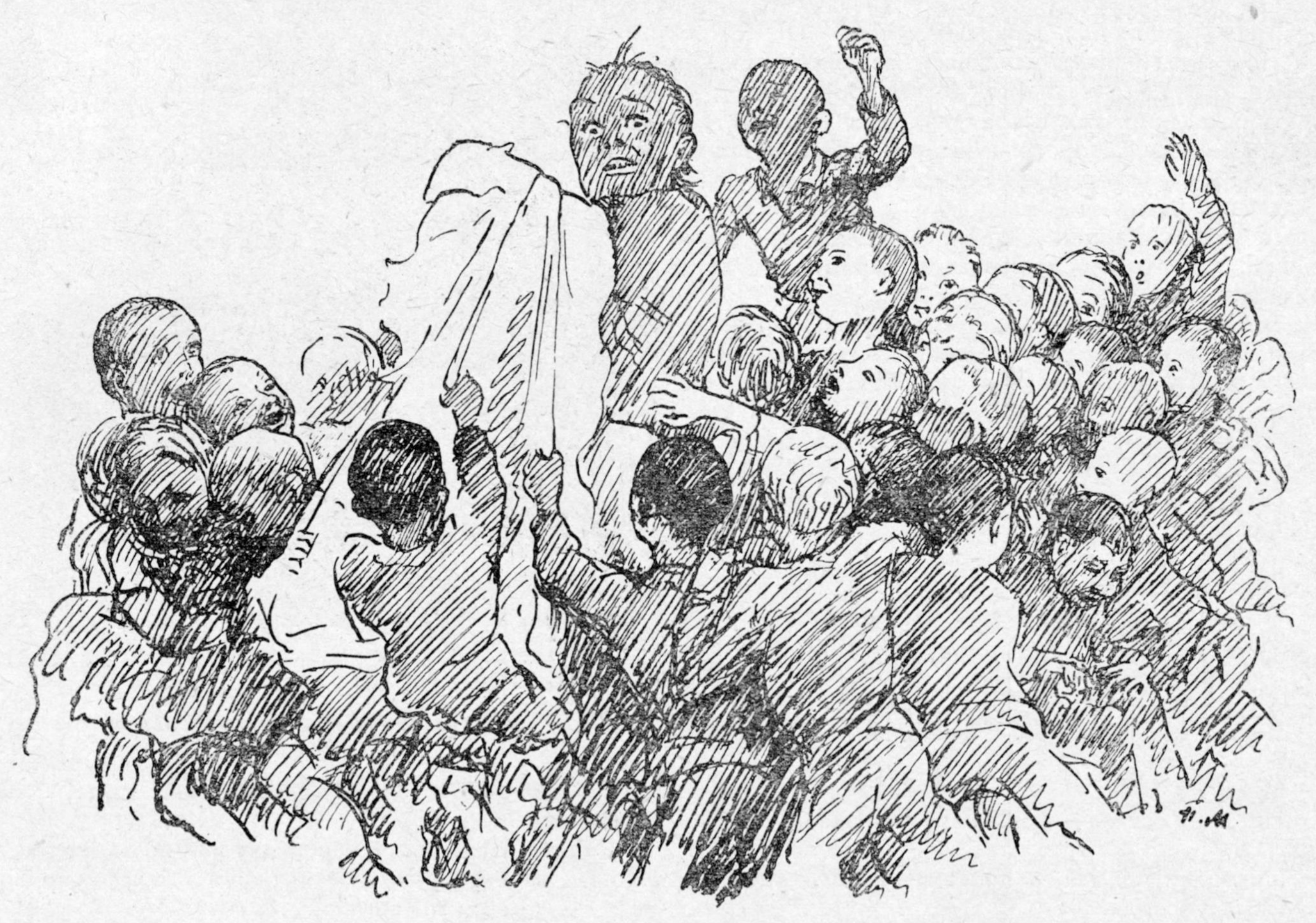
Мальчик закрыл глаза и спрятал свое лицо на груди матери. Он устыдился, что хотел уйти от нее и обиделся. Он обрадовался, что мать вспомнила, обласкала его, и затих со своей радостью.

Перочинный нож закрылся и прищемил Деме палец.

Через неделю после смерти мужа Анна Павловна оставила квартиру из двух комнат и переехала в детский дом, где получила работу. Ей дали маленькую комнатку, где помещалась кровать, стул да стол; детей зачислили воспитанниками и поставили им кровати в общих детских спальнях.

Два года выжили Дема с Верочкой в детском доме, почти совершенно забыли отца и привыкли думать, что всегда жили только с мамой. Анна Павловна руководила младшей группой, и Дема видел ее только по вечерам после занятий. Он приходил в ее комнату, садился на кровать. Верочка садилась рядом, и они оба внимательно слушали, как мать читала. Верочка любила слушать про собак. Она, слушая рассказ про Каштанку, не пропускала ни единого слова, а от Демы требовала, чтобы он не дышал. Однажды мать читала про собаку Постойко, которая попала к живо-

Ребята подняли бучу.

дерам. Постойку заперли в сарай и через пять дней хотели повесить, если за ним не придет хозяин. Постойке остался один день до смерти, а за ним никто не приходил, у него не было хозяина.

Верочка заплакала от жалости к несчастному Постойке.

— Ты погоди плакать,—начала утешать ее Анна Павловна,—он может как-нибудь и спасется.

— Покажи мне конец, тогда я не стану плакать,—потребовала Верочка.

Но Дема не хотел заглядывать в конец.

— Я буду плакать, я убегу и буду плакать,—и Верочка заплакала громче.

Пришлось заглянуть в конец, и только тогда Верочка немного успокоилась. Дема больше всего любил читать и слушать про замечательных людей. Он сам думал когда-нибудь стать замечательным, чтобы всегда добиваться своего, ничего не бояться и уже конечно не плакать от жалости к собакам. Он подсмеивался над Верочкой и называл ее „собачья жалость“. Верочка сердилась на брата, но разлюбить собак не могла. Правда она любила только тех, про которых написано в книжках, а живых боялась.

Дема и Верочка любили сидеть у матери, но она не позволяла им долго засиживаться и говорила:

— Идите, а то скажут, что я занимаюсь только с вами. Вот когда вырастет Дема, получит работу, мы тогда наймем большую квартиру и будем читать каждый вечер.

— Про собак?—интересовалась Верочка.

— Я про собак не буду слушать,—заявлял Дема.

— И про собак и про замечательных людей,—утешала их мать.

Перочинный нож закрылся и прищемил Деме палец. Мальчик очнулся от своих дум и пошел к матери. Он хотел сказать ей: „Почитай, мама, может дом и не переведут“, но в комнате матери громко говорили, и Дема остановился у двери.

— Я прошу вас, Анна Павловна, забыть, что Дема и Верочка ваши дети. Они воспитанники и их нельзя посвящать в наши дела,—говорила заведующая домом.—Верочка разболтала всем, что дом переводят. Полюбуйтесь, посмотрите, послушайте, что делается в классах и спальнях. Дети складывают вещи, срывают картины, буйствуют—раз завтра уезжать, сегодня все можно. Я боюсь, что они побьют окна. Я прошу вас забыть...

— Но я им мать. Вы хотите отнять у меня детей. Я не дам.

Дема узнал голос матери.

— Они воспитанники. Представьте, что мы не поедем, а они разорвут тетради, книги, в один вечер рухнет дисциплина, которую с таким трудом... Я сообщу в ОНО.

— Чтобы меня не приняли на работу?

— Ваша вина.

— Уйдите, прошу вас. Дайте мне хоть сегодня побыть с детьми!

Дема вздрогнул от голоса матери, так резок был он.

Дверь отворилась, и мимо мальчика пробежала гневная заведующая прямо в классы, где воспитанники уничтожали все, что им было нужно и дорого полчаса назад. На новое место они хотели явиться с голыми руками.

— Ты слышал?—такими словами мать встретила Дему.—Я и так почти не вижу вас, а они хотят разлучить совершенно.

— Мама, успокойся. Почитай лучше.

— Почитать?—Мать удивилась желанию сына, но подумав, сказала: — Ладно, позови Верочку.

В рабочих комнатах и спальнях был разгром, как в магазине, из которого вывезли товар, оставили мусор да оберточную бумагу. Девочки разрывали тетрадки с задачами, сваливали в кучу учебники. Им все стало недорого, кроме ленточек, гребенок, дневников со стихами о цветах и смятых записочек о чем-то.

Мальчишки срывали плакаты и украшения, выменивали перья и карандаши. Они наделали хлопушек и хлопали ими и залпом и в разнобой.

Этот переполох создала Верочка. Она не утерпела, сказала подружкам, что дом переводят, и началось радостное уничтоженье всего, что создавалось с трудом и подчас с неохотой по настоянью руководителей.

Завхозиха испугалась за белье и пришла снять его. Ребята подняли бучу.

— А спать на чем будем, на досках?!—кричали они.

— Уедем, тогда соберешь.

— Да вы половину украдете.

— Воры мы выходит. Кого поймала, кто воровал?!

— Мало ли кто.

— Нет, ты скажи,—завхозиху окружили, начали тискать.

— Никто не пойман, а простыни куда-то уходили.

— Сама уносила.

— Я? Ах вы щелкоперы...

Завхозиха разошлась бы, но явилась заведующая и велела ей не беспокоиться о простынях и наволочках.

— Ребята, — крикнула заведующая, — идите в зал. Получилось недоразумение, надо раз'яснить его.

Воспитанники уселись на скамью, заведующая покосилась на ободранные стены и начала:

— Верочка не поняла, она перепутала. Наш дом не переводят. Это неизвестно. Я завтра должна получить ответ из ОНО. Нас могут оставить, и я прошу вас не делать глупостей. Вам же придется снова заводить тетрадки, рисовать плакаты. Прошу разобрать по рукам учебники, ручки, карандаши, завтра я буду делать осмотр. У кого чего не окажется... — заведующая остановилась, она не знала, какое наказанье будет таким. — Не заставляйте меня жаловаться в ОНО.

Воспитанники разошлись по спальням, но не спали, они все говорили, переведут ли их, куда. Одни поверили заведующей, а другие усмехались и определенно думали: „Врет, боится, чтобы все не разгромили“. Учебники валялись на полу, их начали было разбирать по рукам, но поспорили, кому какой принадлежит, и оставили лежать.

Дема и Верочка сидели у матери.

— Где Демка? — спросил голос в темноте.

— У матери, — ответил сосед Демы по кровати.

— Вот те бог, укладывается. Завтрева повезут. Ты загляни к нему.

Дежурный на цыпочках пробрался к комнате Анны Павловны, заглянул в щелку и, вернувшись в спальню, доложил:

— Читают. Верка у Демки на плече лежит и не дыхнет.

— Анна Павловна сегодня дежурная по спальням?

Матери не было, комната стояла пустой

— Да. Оттого своих и держит. Нас спать, а своих в комнатку.

Ребята заспорили—переведут или не переведут их. Вошла заведующая, открыла свет и громко спросила:

— Дети, вы не спите?

Ей ответил только один:

— Не спим, не охота.

— Спать надо, — заведующая повернулась к дежурному: — Позови Анну Павловну. — Потом заметила пустую кровать Демы. — А здесь кто спит?

— Демка.

— Где он?

— С матерью.

— Безобразие, — громко сказала заведующая.—Ну, какая может быть дисциплина? — и затопала по гулкому деревянному полу.

Дема слышал голос заведующей и сказал:

— Мама, пусти нас, Ольга Ворсовна сердится.

— Немножко посидите. Я погляжу на вас. Тебе, Демочка, какой год, пятнадцатый? Как ты запоздал, в такие годы и в четвертой группе.

— Мне, мама, тринадцатый, — напомнила Верочка.

— А из-за собак плачешь, — кольнул Дема.

Мать долго читала детям. В спальнях отговорили, часы пробили одиннадцать, только тогда она обняла их, поцеловала и отпустила.

— Ты, Дема, не смейся над Верочкой, — сказала она, — ты большой, пожалуй скоро и мама тебе не нужна будет.

Она еще раз поцеловала его и шепнула:

— Иди, ничего не думай.

Часы тикали, отзванивали, полоса лунного света передвигалась по полу спальни, темнота спальни дышала, как живая, а Анна Павловна ходила по коридору и руками сжимала свою голову.

Она зашла в свою комнату, достала связку писем, пересмотрела ее и разорвала одно письмо. Лепестки его бросила за окно. Потом осторожно вошла в спальню мальчиков и посмотрела на Дему, освященного лунной полосой. Анна Пав-

ловна еще сходила в комнату, взяла из альбома карточку и сунула ее под подушку Верочке, а Верочку поцеловала в волосы. Почти до рассвета Анна Павловна что-то писала. Она осторожно, видимо, чтобы не разбудить детей, отрывала клочки бумаги, исписывала их, рвала и писала на новых. Лунная полоса упала на стол и на лицо Анны Павловны. Женщина задернула окно. Она взяла новый лист бумаги и начала писать торопливо и озираясь на дверь. Жирная клякса упала на бумагу. Анна Павловна нахмурилась, но не разорвала написанное, а оставила на столе. Она взяла темный узелок из-под кровати, накинула пальто и начала спускаться по лестнице к выходу. В саду женщина остановилась, повернула свое заплаканное лицо к дому, где спали ее дети, и перекрестила дом, потом побежала через поле к железнодорожной станции.

Верочка проснулась раньше Демы и побежала к матери, чтобы сказать ей: „доброе утро“. Матери не было, комната стояла пустой. Верочка пошла на кухню и спросила завхозиху:

— Где моя мама?

— А я почем знаю?—буркнула завхозиха и отвернулась.

Верочка, все еще ничего не предчувствуя, пошла к заведующей. Ольга Ворсовна сидела в канцелярии и о чем-то шепталась с другой руководительницей. Увидев Верочку, она поманила ее пальцем и спросила:

— Как чувствуешь себя? Дема встал?

— Спит Дема, а где моя мама?

— Она ушла по делам. Разбуди Дему и скажи, оделся бы поскорее и шел ко мне.

Верочка растолкала брата и велела итти к заведующей.

Дема стоял в канцелярии, Ольга Ворсовна покусывала губы, не зная, как начать об'яснение.

— Ты не знаешь, куда ушла твоя мама?—спросила она.

— Не знаю, надо спросить Верочку.

— Она не знает, — Ольга Ворсовна взяла Дему за руку и заговорила: — Ты не пугайся, может и нет ничего страшного.

Мальчик побледнел и выдернул руку.

Заведующая продолжала:

— Может она ушла в город и скоро вернется. Меня разбудила утром техническая и говорит: „Анны Павловны нету, дверь на улицу открыта“. Вот и сейчас нету. Не собиралась Анна Павловна никуда, ты не знаешь, Дема? Не говорила она, что хочет уйти, не прощалась с вами, вы долго у нее сидели?

— Нет, — прошептал Дема.

— Пойдем в вашу комнату, не оставила ли она чего, следов каких-нибудь, указаний.

За Ольгой Ворсовной и Демой в комнату вбежала Верочка:

— Что вы ищите?

— Маму,—ответил невпопад перепуганный и встревоженный Дема.

На столе Ольга Ворсовна нашла лист бумаги с кляксой, она прочитала написанное и хотела успокоить детей, все мол зря, мать ваша ушла по делу и скоро вернется, но вместо этого подала лист Деме.

„Прощайте, Верочка и Дема, вам будет лучше без меня, о вас позаботятся. Не ругайте маму, она не знала, что ей делать, она любит вас. Я оставила карточку, где все мы трое и папа. Карточка у Веры под подушкой. Письмо это покажите Ольге Ворсовне, знала бы.

Я жива, целую вас“.

Дема уронил письмо и в слезах упал на кровать. Верочка, глядя на Дему, тоже заплакала. Ольга Ворсовна ушла в канцелярию и заперлась одна. Ей предстоял трудный день — нужно было отправить всех детей в колонию за пятьдесят верст, а тут этот непонятный уход Анны Павловны и горе покинутых детей.

— Как быть с ними, куда девать их? — думала Ольга Ворсовна. — И что делать, отправлять ли детей, вызывать ли следователя, искать ли Анну Павловну?

Заведующая села к окну и закрыла глаза. Ее мысли были спутаны. В дверь постучались, и завхозиха сказала:

— Ольга Ворсовна, с Верочкой нехорошо, Дема вас зовет.

Заведующая встала и пошла, завхозиха разбудила в ней энергию и решимость действовать. У Верочки был припадок. Она стонала и билась, сквозь крепко стиснутые губы вырывался дикий хриплый стон: „мам-мам-мам“.

Ольга Ворсовна завхозихе велела сидеть около Верочки, Деме молчать и не хныкать, техническую послала к следователю, а сама с другой руководительницей пошла собирать воспитанников в дорогу. У воспитанников был шум, они за два дня, которые прожили без дела и надзора, расшалились и разбуянились не в меру.

— Молчать!—крикнула Ольга Ворсовна и топнула ногой.

Ребята умолкли, они поняли, что заведующая в гневе и не потерпит ослушания.

— Нас переводят!

Кто-то крикнул „ура!“—но заведующая так взглянула, что крикун поперхнулся.

— Сдайте дежурным учебники, карандаши, ручки, белье, сложите аккуратно, пересчитайте.

Началась сдача. Все ходили бесшумно, говорили вполголоса, точно были взнузданы. Через два часа к дому под'ехали подводы, детвора обрадовалась им и начала шумно прощаться с домом, с руководителями, с Демой и Верочкой, пришибленными неожиданным горем.

(Продолжение следует)

В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Листки из блокнота Николая Смирнова

Не знаю, как это бывает у других ребят, но со мной часто случается такая история. Начинаю я о чем-нибудь думать. Приходит одна мысль, за ней другая, а там и третья. Пока до десятой дойду—первая куда-то пропала. Вспоминаю, вспоминаю—нет мысли, убежала и след замела.

Утомительное дело—ловля собственных мыслей. Решил я от этой беды избавиться и нашел для этого очень простой способ.

Купил блокнот. И начал записывать свои мысли.

Тут все сразу пришло в порядок и перестал я гоняться за своими мыслями, как пастух за разбежавшимися козами.

Прочел я как-то одну небольшую книжку. Написано в ней о том, как происходят выборы в парламент в буржуазных странах. Прочел и задумался. Странами этими управляют капиталисты, у них в руках власть, деньги, фабрики, поля—словом все. У рабочих же и у крестьян нет ничего. И вот, чтобы они не очень волновались, капиталисты выбрасывают им обглоданную косточку—выборы.

— Можешь выбирать, дорогой народ, кого тебе угодно,—говорят капиталисты,—у нас страна демократическая, у нас такая свобода, какой нигде нет и не было.

Все это только прекрасные слова, а на деле выходит совсем не так красиво. На деле выборы—один обман.

Вот в Америке например есть две партии: демократическая и республиканская. Демократическую партию составляют крупные капиталисты и помещики, республиканская партия—партия банкиров и промышленников. Перед выборами эти обе партии начинают развивать такую энергию и такую работу, что в результате в парламент проходят только те, кто состоят агентами капитала.

Весной 1912 года в Нью-Йорке платили за один голос пять долларов. При выборах президента в том же году было истрачено около двух миллионов долларов.

Вот это ловко! Когда я читал про все эти проделки, мне казалось странным одно: а рабочие как же? Неужели они такие темные и забитые, что их можно так просто обвести вокруг пальца?

Во время выборов рабочие находятся под непрерывной угрозой увольнения. Во время выборов тюрьмы переполняются рабочими и их единственными защитниками—коммунистами.

Капиталисты идут на все, только бы в парламент прошли их приспешники.

То, что делается в „свободной", „демократической" Америке, повторяется и в других странах.

В Англии все 425 членов парламента никто иные, как крупные капиталисты, члены акционерных обществ.

Будут они заботиться о своих рабочих и крестьянах,—как бы не так!

Ну конечно коммунистические партии тоже не дремлют на выборах. Они-то уж раз'ясняют рабочим всю работу капиталистов.

И злятся же капиталисты, когда, несмотря на все их проделки, на выборах все же проходят коммунисты.

Воображаю, с какой завистью смотрят на нашу страну западные рабочие, когда у нас идут выборы в советы. Вот у кого бы им надо было поучиться, чтобы каждый научился управлять страной. А потом, когда советы уже выбраны, наши избиратели не говорят так:

— Ну вот, мы вас выбрали, вы там работайте, а мы посидим да посмотрим.

Делегаты в совет должны отчитаться в своей работе перед теми, кто их выбрал. Советы также работают все время под наблюдением трудящихся всей страны.

На-днях я как-то поспорил с Мишкой Селезневым. Парень он хороший, веселый, в общем он мой приятель. Но мы с ним часто спорим. И все потому, что он слишком просто и легко на все смотрит.

— Тоже подняли бучу в газетах,—говорит он мне как-то,—пишут о перевыборах в совет, говорят только об этом. А по-моему ни к чему все это. У нас не заграница. У нас все просто. Никто нам не мешает выбирать. И никто даже не посмеет помешать. Это только на Западе, где разные буржуазные партии дерутся между собой.

Крестьяне слушают отчет о работе совета.

А у нас одна партия—коммунистическая. И все идут за ней. Прав я или нет?

— Не прав, — ответил я, подумавши. А подумать мне пришлось немало, потому что Мишка на первый взгляд как будто и прав.— Ты, Мишка, забываешь о том, что у нас есть население, которое не идет за партией и за рабочим классом. Есть у нас кулак и нэпман или нет?

— Ну есть. Так что ж из этого? У нас их мало.

— Много ли, мало ли, но они наши враги. И всячески стараются нам напортить. И особенно хорошое для них время — это перевыборы.

— Они же в совет не выбирают.

— Они-то не выбирают и сами они в совет не попадут—это факт. Но провести кого-нибудь своего им желательно.

— Много они могут сделать?

— Ты думаешь, что они во время выборов сидят поджавши хвосты? Ошибаешься. Кулак в деревне сейчас же начнет вести агитацию. У кого есть деньги? У кулака. Кто спаивает бедняка? Кулак. Кто грозит увольнением батраку? Кулак. А ты говоришь, что кулак ничего не может сделать.

— И все равно немного сделает.

— Спать во всяком случае нельзя. У кулака есть еще помощники—попы. Представь себе такой случай, что кулак будет давить и давить на батраков, а те и выберут в совет того, кто будет защищать интересы не батрака, а кулака.

— Я читал об этом и в газетах.

— Ну вот то-то, что читал. Теперь понимаешь, что у нас тоже есть борьба и что во время перевыборов она и разворачивается. Так что к перевыборам нужно относиться, как к самому важному делу, и не говорить, что у нас все так просто и легко.

Кажется я его убедил.

В этом году и нам, пионерам, пришлось поработать для выборов. Мы обсуждали наказ новому совету и вставили свои пункты. Мы потребовали горячих завтраков в школе и снижения цен на учебники. А так же насчет спортивных принадлежностей.

У меня так до сих пор коньков нет. А зима не ждет.

Мы обследовали школы и детские дома и также внесли ряд предложений в наказ.

Ну, потом наши пионеры выполнили много мелких работ: разнесли повестки, разрисовали плакаты и лозунги.

Вообще в этом году пионеры во всей стране принимают участие в перевыборах. И правильно. Скоро сами будем выбирать, когда подрастем. Надо привыкнуть. А пока что хоть какую-нибудь пользу принесем.

В деревнях например во время выборных собраний пионеры будут смотреть за маленькими братьями, за домом, обед варить.

Перед началом перевыборного собрания.

Надо полагать, что пионеры и дальше спать не будут—будут следить за тем, чтобы все внесенные ими пункты в наказы были выполнены.

А если не выполнят, пионеры потребуют отчет—почему не выполнили.

Записал я все это, прочел и подумал:

„А не вырвать ли мне эти листочки из блокнота, не вложить ли их в конверт, не наклеить ли марку и не послать ли в редакцию „Пионера".

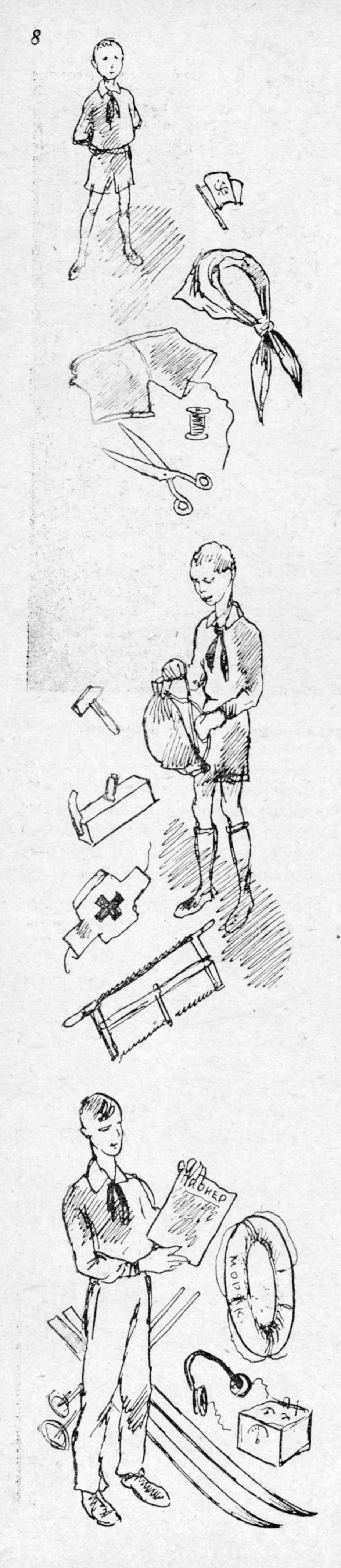
Теперь сижу и жду с нетерпением выхода нового номера журнала.

Николай Смирнов

Нас очень интересует, как участвовали пионеры и школьники в кампании перевыборов советов. Какие воспитательные результаты получили ребята, проводя эту общественную работу.

Деткоры, пионеры, школьники, вожатые, учителя! Ждем ваших ответов.

Редакция „Пионера"

ЗАГАДОЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Очерк Б. СМИРНОВОЙ

Рисунки худ. А. ЛАПТЕВА

1

Яша Иванов притаился в темном коридоре и с волнением подсматривал в дверную щелочку. В маленькой комнате несколько знакомых Яше ребят занимались чрезвычайно подозрительным делом: Митя Колесин засучил штанину на Кольке и быстро перетянул ногу платком по правилу „Как остановить кровь". Все молча смотрели, а сам Коля делал вид, что ужасно страдает. Митя решительно схватил бутылочку с иодом, но тут Коля закричал и запрыгал на одной ноге:

— Стой. У меня там царапина есть, щипать будет.

— Ах, у тебя настоящая царапина,—обрадовался Митька и вцепился в ногу обеими руками.—Держи его, он уйдет.

Колька стал отбиваться, но Зина, Петя и Митя его живо усмирили. Митя с увлечением залил вчерашнюю царапину.

Коля так хромал, что жалко было смотреть... И вдруг как пустит чечеточку по всей комнате.

— А как я быстро выздоровел,—прибавил с гордостью Коля.

Вошла в комнату библиотекарша и заявила:

— От имени всех читателей нашей библиотеки приношу вам благодарность за прекрасные переплеты, в которые вы одели наши погибавшие книги. Вы сэкономили клубу больше 1000 руб., которые пришлось бы тратить на замену истрепанных книг новыми.

Ребята смутились и стали выталкивать вперед упирающихся переплетчиков—Семку Блюма, Марусю Иващенко и других.

— Это не мы все! Это только наши переплетчики!

Библиотекарша засмеялась:

— Зато другие ходили по домам и забирали „зачитанные" книжки, которые многие просто за недосугом не приносят.

Яша опрометью бросился к выходу.

2

В это время на соседней улице собирались пионеры на звеньевой сбор.

Ильюшка — вожатый звена — оглядел пустую комнату и осторожно обошел величественную серую пирамиду сора возле двери. Все дежурные кончали подметанье—у подножья этой кучи.

— Никого еще нет?—пискнул голосок Любы.

— Да войди ты! — закричал Илья.—Все вы приходите, спрашиваете: „никого нет?"—и поминай, как звали.

— Ну, что же я одна буду сидеть?

Все-таки она села и дисциплинированно взялась за вечный номер „Пионера".

— Ну вот почитай,—с облегчением сказал Илья и побежал разыскивать Мишку и Женю.

Они играли в пинг-понг на втором этаже клуба...

— На сбор, на сбор!

Мишка и Женя вошли угрюмые в комнату.

Илья постучал ножичком и открыл сбор.

— Первый вопрос о трудовой работе. Слово мне. Ну, что говорить? Инструментов нет, комнаты клуб не дает. Предлагаю вопрос поставить на совет отряда.

Внезапно с страшным шумом и криком влетел Яшка Иванов.

— Ребята! Ребята! Что я узнал!

Он задохнулся. Илья недовольно прикрикнул:

— Не мешай сбору! И так опоздал на целый час.

— Сам не мешай! Ребята... я выследил подпольную организацию.

Женька сейчас же вскочил.

— Идем и сразу накроем их. Можно по такому случаю сбор закрыть.

— Во-первых сиди. Во-вторых подпольных организаций у нас в СССР не существует. Ставлю вопрос о плане работ на декабрь.

— Илюха, — робко заговорила Люба,—а декабрь прошел уже.

— Дура, потому и ставим вопрос о плане. У нас в СССР пророков нет.

— У-у, канительщики! — Яшка злобно двинул табуретку и пошел из комнаты.—Пошли вы к чорту!

— Иди сам к чорту!—закричал обиженный Илья.—Вот я тебя за „чорта" поставлю на совет отряда.

3

Яша перестал ходить в отряд.

Несколько дней он мучился угрызениями совести и все-таки решил... решил... тяжело даже выговорить!

Решил Яша перекинуться в подпольную организацию.

На перемене в школе он сунул записку Зине Огурцовой:

> *„Можно мне притти на ваше собрание?“*

Зина удивилась и громко сказала:

— Конечно можно.

— Шшш!..— Яшка зашипел.— Вот заводи с девчонками конспирацию, в два счета засыпешься.

Он отобрал у нее записку и написал опять:

> *„Отвечай письменно, когда и в котором часу?“*

Зинка молча написала:

> *„В воскресенье, в 10 часов 23“.*

Яшка вздрогнул. Подчеркнул цифру *23* и поставил вопросительный знак.

— Двадцать три минуты!—прошипела Зинка.

4

За железной створкой ворот Яшка спрятался ровно в 10 часов. Ребята входили группами по несколько человек, не кроясь, с громкими разговорами.

Яшка подумал по старой пионерской привычке: „До чего обнаглели! Что смотрит ГПУ?“

Он точно рассчитал время и в 22 минуты одиннадцатого кинулся по лестнице. Но в дверях столпилось человек десять. Однако он с разгона растолкал всех и прорвался первый.

Старенькие ходики висели в комнате против двери, и показывали ровно 10 ч. 23 м. Под часами стоял... комсомолец Олег. Сердце забилось у Яшки. Кто бы подумал про Олега?..

Олег поднял руку, и сразу стало тихо.

5

— Ребята, в воскресенье конкурс плясунов. Мы наметили на конкурс Колю Полосухина и Соню Попову. Аня, за балалайкой!

Сейчас же девчата принесли самодельные балалайки из консервной коробки и деревянный ксилофон. Музыканты враз ударили. Соня поплыла по комнате, помахивая платочком, Коля вылетел на середину с отчаянной чечеткой. И Яша не вытерпел, пустился паказывать своего трепака. Кто-то сказал:

— Ай-да Яшка! Знать ему наскучило в 7-м отряде!

— Надоело!—крикнул Яшка и еще пуще принялся откалывать. Все захохотали.

— А нам смотреть?..

— Стоп!—закричал Олег.—Плясать, так всем.

Заскользили „конькобежцы“ друг за другом, следя за головной парой, потом все „пошли на лыжах“ и под конец „катались с гор“.

„Все это хорошо, все это ладно,— думал Яшка тревожно,—но когда же они перейдут к политике? Неужели они против советской власти?!“

И вот началось это. Все расселись. Зина вытащила тетрадку и заговорила очень деловито:

— Украшение детбиблиотеки и устройство утренника для неорганизованных ребят мы поручили Антонову, Смирновой, Иващенко, Коле Павлову и Зине. Эти ребята провели порученное им дело, мы слушали их отчет и решили, что утренник прошел хорошо, но антракты были слишком длинными и ребята на них скучали. Лозунги для библиотеки были хорошие, но написаны они были не очень аккуратно.

— Будет, все ясно.

Зина отчаянно замахала руками.

— И самого главного еще не сказала: подготовили неорганизованного Митю Колесина к вступлению в организацию.

Зина победоносно уселась с полным сознанием собственного достоинства.

6

Ребята выстроились.

Знаменосец Шурка Попов торжественно вынес отрядное знамя.

Яша замер. „Вот сейчас узнаю их тайну, кто они такие“... Но Шурка не стал знамя разворачивать.

„Должно быть из-за меня!“

Олег скомандовал: „Смирно!“ и сам поднял чуть повыше головы правую руку со сложенными пальцами.

Митя Колесин выступил вперед тоже с поднятой рукой.

— Я...—голос у него дрогнул.

Яша торопливо шепнул Зине:

— Можно мне тоже вступить?

Зина вытаращила глаза и прыснула.

Тогда Олег строго и вопросительно посмотрел на Яшу.

„Теперь или никогда“,—подумал Яша и смело встал рядом с Митей.

— Я тоже буду присягу давать!

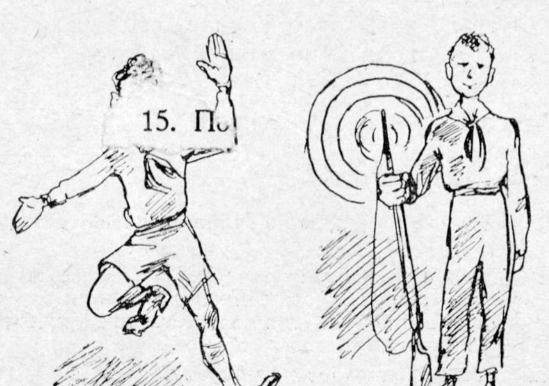
Наступило гробовое молчание.

— Как?.. Два года тому назад я сам был на вечере, когда тебя принимали в пионеры, и ты давал торжественное обещание...

Все пропало. Вся торжественность нарушилась. Знаменщик приклонил знамя к стене и схватился за живот. И Олег опустил салют, и линейка распалась, и пионеры катались по чисто подметенному полу и неистово хохотали.

Яшка стоял красный, как рак, и думал: „Еще одно слово, и я засыпался бы. Ну, кто ж мог по-

ЛУЧШИЕ

Плясун Стрелок Гармонист Шахматист Распространитель своего журнала

думать, что такая занятная организация и вдруг пионеры!“

7

Олег снова поднял руку и не без труда установил тишину.

— Слушайте. Я буду говорить от имени нашего отряда, и пусть Яша будет у нас ушами 7-го отряда. Слушай внимательно...

В нашей системе работы самое главное—самодеятельность

— Самодеятельность?—перебил Яша разочарованно

— Молчи! Уши не разговаривают. Мы делаем дело, а не занимаемся пустыми разговорами о самодеятельности. Мы проводим интересную работу. Мы делаем разные вещи и переходим от легкого к трудному. Мы растем—и всем это видно! А кроме того мы работаем действительно коллективно. У нас все интересующиеся одним делом собираются вместе. Тот, кто знает, учит других. И вот, побывавши в отряде, можно стать мастером хотя бы одного какого-нибудь дела. Ну, а теперь я задам тебе вопрос и ты мотнешь головой —да или нет. Ты все понял?

„Уши“ энергично кивнули.

— Хорошо. И ты все запомнил?

Яша снова кивнул.

— Теперь отправляйся в свой отряд и поставь вопрос о переводе всего отряда на новую систему.

Олег книжку.

— Вот это подарок вашему отряду от нашего. Здесь подробно все рассказано, как работать по новой системе. Книжка так и называется: „К работе по-новому“. Но не думайте, что эта книжка спасет вас от всех бед, не думайте, что эта книжка без вашей самодеятельности сможет оживить работу

Яша схватил книжку и не забывая о том, что он только „уши“,— молча отсалютовал и исчез.

На другой день он пред'явил совету отряда требование созвать экстренный сбор. Сбор состоялся в среду. Яша подробно рассказал о своих похождениях.

Сперва ребята слушали недоверчиво и посмеивались, а потом стало совсем тихо.

— И вот, ребята, как бы вы думали, кем оказалась на самом деле таинственная организация? 11-й отряд юных пионеров.

ПИОНЕР—МАСТЕРА

Поднялся страшный галдеж. Все кричали, что Яшка надувает и не хочет рассказать в чем дело.

— Никаких тайн нету. Секреты 11-го отряда все налицо. Их первый секрет: они занимаются интересными делами. Второй секрет: они умеют находить интересные дела.

Все снова подняли крик:

— Причем же тут общественная работа, если каждый будет делать то, что ему интересно?

— Открываю третий секрет. Когда затеяли что-нибудь интересное для нас, поглядим, можно ли это сделать интересным и полезным не только для нас, но и для других, для всей неорганизованный детворы. Всегда найдется хотя несколько человек, и они составят кружок или группу. На салазках кататься интересно? В экскурсию итти интересно? Пилить, строгать, сколачивать интересно? Электротехникой заниматься интересно? Плясать, играть на шумовых инструментах интересно? А ведь все эти дела и вполовину так не интересны, если их не делать скопом.

— Столяры сделают для детского сада полки, вешалки...

— Всю мебель, игрушки сделаем!—закричал Мишка.

— Экскурсанты соберут на лыжную вылазку всех неорганизованных ребят, которых ничем другим может быть и не заманишь.

— Ага, вот это мы! —крикнул отпетый бузотер отряда Вася Сидяков и пустился в пляс.

— Четвертый секрет: **если будем работать с толком и по плану, поддерживать порядок и аккуратно обращаться с инструментами родители пойдут навстречу, помогут женделегатки, комсомол, клуб.** И секрет заключительный: **надо относиться с уважением к своей организации, надо нам самим взяться за руководство звеньевой и отрядной работой, выделить своего помощника вожатого отряда (предсовета) и вместе с вожатым перейти к работе по-новому.** Будем принимать новеньких торжественно, предварительно поработав с ними. Конечно, если начать рассказывать все подробно, надо засесть на целый день. Но... —и Яшка вытащил коричневую книжку и торжествующе помахал ею,— здесь найдем десятки нужных и увлекательных дел, на первых порах нам самим будет трудно придумывать. Это нам дал в подарок 11-й отряд. Разбираются в книжке: вопрос о кружках, об отдельных любителях и, самое важное, рассказывается о том, как строить работу по-новому год за годом. Что надо знать младшему, среднему и старшему звену. Пробыв 2—3 года в организации, мы все сможем накопить запас знаний и навыков и уменье без страха подходить ко всякой работе.

анительщи

ПИОНЕРЫ!

Редакция «Пионера» открывает консультацию по вопросам новой системы пионерской работы.

На каждый вопрос будет даваться подробный ответ на страницах журнала или по почте. Ответы на вопросы наряду с сотрудниками редакции будут писать также члены Центрального бюро пионеров и в частности председатель Центрального бюро пионеров тов. Северьянова.

Шлите нам вопросы, описывайте опыт работы по-новому.

Московские пионеры! Со всеми неясностями о новой системе приходите в редакцию «Пионера» и получите подробные советы.

ЗИМНЯЯ ВИКТОРИНА

1. Зачем вставляют вторые рамы, кладут между ними вату и ставят стаканы с серной кислотой?

2. Почему вода в реках и озерах не промерзает до дна?

3. Почему из проруби на морозе пар идет?

4. Почему сильнее морозы бывают при безоблачном небе?

5. При какой температуре тает снег и закипает вода?

6. В школе висит старый градусник Реомюра. Что надо сделать, чтобы перевести градусы Реомюра в градусы Цельсия?

7. Почему при оттепели снег становится грязным?

8. Почему почва от мороза растрескивается?

9. Отчего бывает иней?

10. Отчего бывает изморозь?

11. Когда сбрасывают с крыши снег, какие комья снега падают быстрее — большие или малые и почему?

12. Что делают вагоновожатые, когда в гололедицу вагоны не двигаются и колеса вертятся на месте? Отчего бывает гололедица и что сделать, чтобы вагон пошел вперед?

13. Какие звери остаются на зиму у нас?

14. Что делается зимой с лягушками, змеями, пауками, бабочками?

15. Почему птица клест-еловик своих детенышей выводит зимой, чего не делает ни одна другая птица? Почему нос у клеста загнут—верхняя половинка вниз, а нижняя — вверх? Почему труп клеста лет 20 не гниет?

16. Как и когда впервые был открыт Северный полюс?

17. Для чего верхние концы лыжных палок обертываются изоляционной лентой или сукном?

18. Как по-украински называются зимние месяцы (с октября по март)?

19. Катаются ли в Японии на коньках?

Ответы на стр. 24

ЯНВАРЬ СТЕНГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ № 1

С НОВЫМ ГОДОМ!

31 декабря 1928 года, около полудня в редакцию журнала „Пионер“ ввалилось восемь человек ребят. Вся компания остановилась посреди комнаты и один из них спросил:

— Где Кузька?

— Кузька поехал по СССР,—ответил секретарь.

— Тогда скажите, где редактор?—пропищала одна девочка самым тоненьким голосом.

Получив ответ, все двинулись в кабинет редактора. Туда же пошли и все сотрудники редакции.

Неожиданные гости расспрашивали редактора о том, каким будет журнал „Пионер“ в 1929 году. Редактор и сотрудники рассказали гостям об этом и обещали, что напечатают о том, каким будет „Пионер“ в 1929 году, на второй полосе облонжки первого номера „Пионера“. И разговором и обещанием гости остались очень довольны. Они очень жалели, что не застали Кузьку, и обещали зайти после того, как он приедет. Потом гости распрощались и ушли. Сотрудники вернулись к своим делам.

Вдруг редактор увидел на краю стола небольшой конверт. Он вскрыл конверт и достал небольшой листок бумаги. Вот что на нем было написано:

Дорогая редакция „Пионер“! Мы, деткоры вашего журнала, горячо поздравляем вас с Новым годом! Мы хотим, чтобы в 1929 году „Бумеранг“ писал о быте ребят нашего Союза, чтобы он залетал туда, где еще ребята живут недружно и не помогают друг другу, туда, где мальчики не по-товарищески относятся к девочкам, туда, где девочки изображают из себя „барышень“, туда, где есть еще национальная рознь, и т. д. В первую очередь просим „Бумеранг“ залететь в наш 18-й отряд г. Москвы и в 37-ю и 41-ю школы, в которых учатся ребята нашего отряда.

С пионерским приветом

ВАШИ ДЕТКОРЫ

Я НЕ ПРОТИВ ПИОНЕРОВ

Я выписал журнал „Пионер“ на 3 месяца. Журнал мне очень понравился. Только „СНИП“ я прочитываю несколько раз и не могу его понять. Другие отделы мне очень понравились. Жаль только, что журнал дорого стоит и так редко выходит, то-есть в две недели раз, так что приходится долго ждать.

Я журналы выписываю не потому, что у меня есть деньги, а потому, что я интересуюсь жизнью пионеров, хотя сам я и не пионер. Причина этого такова: в нашей семилетке имеется 2 отряда. Эти отряды работают очень слабо. Кружков в отрядах никаких нет. Только бывают собрания. Поэтому я и не пионер. Не знаю, прав ли я?

Все-таки я не курю и против пионеров ничего не делаю. Я твердо уверен в том, что если я был бы в городе, то действительно был бы пионером.

Я думаю подписку продолжать и дальше. Тот, кто еще не подписался на „Пионер“, по моему мнению, в действительности не интересуется работой школ и отрядов и настроен против пионерорганизации. Я думаю наладить с журналом переписку и хочу сделаться деткором, но не знаю, какие условия необходимы для этого.

Э. ГРАЙФЕР

ПОЧЕМУ Я НЕ ПИОНЕР

(Ответы деткору Пазельскому)

ХОТЕЛИ СТАТЬ ПИОНЕРАМИ

Я с тобой, Саша, не согласен. Ты напрасно считаешь антисоветскими всех школьников не-пионеров. Это неверно. В нашей школе до 15 ноября 1928 г. не было пионеротряда. Так по-твоему и школьники были антисоветскими? Наоборот: они давно хотели стать пионерами, да не было отряда. А когда у нас организовался отряд, то в него сразу записалось 62 человека. Значит у нас в СССР много ребят не-пионеров, но они не антисоветские, им просто нет возможности поступить в пионеры при всем их желании.

Журнал же „Пионер“, я думаю, в таких подписчиках (не-пионерах) также нуждается как и в пионерах.

Деткор ДЕНИСКИН, В. А.

„Бумеранг“ спрашивает:

Как по-вашему, товарищи, во всем ли прав деткор Денискин? Является ли школьник антисоветским, если он даже не хочет вступить в пионеры?

„БУМЕРАНГ“

ВСЕ ЛИ НЕ-ПИОНЕРЫ—АНТИСОВЕТСКИЕ

По моему мнению, школьники, которые не записаны в отряд ЮП, не считаются антисоветскими. Есть такие ребята, родители которых религиозные и не хотят отдавать своих детей в пионерские отряды, некоторых ребят работа отряда не интересует. До сих пор есть еще несознательные ученики, которые не понимают и не сознают, к чему стремятся пионеры, но я согласен с Пазельским, что среди школьников, не вступивших в пионеры, есть и антисоветский элемент, с такими ребятами мы должны бороться.

Деткор Н. НЕДОРЕЗОВ

Пионеры и не-пионеры, шлите отклики!

ГОРЕ АЛАЯ

Тихо паслись кони Алая. Пасет он их уже вот три ночи, не спит, не ест—все за табуном смотрит. А вот эту ночь не утерпел—уснул.

И приснилось ему, что на табун напали волки. Окружили и сели, а сами так и смотрят, глаза горят.

Испугались кони—зафыркали, взбесились и вдруг рванулись бежать...

Три дня искал коней Алай. Потом нашел в другом селении; а там говорят, что кони не его, а ихние. Что же делать? Как помочь ему в этом? Если у вас найдется хороший совет, пришлите—Алай заранее благодарит.

БОРИС ПИОНЕРСКИЙ

Одинцово

ТОВАРИЩ ЛИ ТЫ СВОИМ ТОВАРИЩАМ?

ДРУЖБА И КОЛЛЕКТИВИЗМ СРЕДИ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

У нас после сборов пионеры играют в крокет. Если девочки начали играть, то ребята отбирают у них принадлежности для игры.

— Бабам незачем играть!—говорят они.

Девочки сперва оставались играть, но теперь не остаются.

— Отучили баб,—радуются пионеры.

В Ал.-Гайской ШКМ имеется шахматный кружок. Там мальчики сквернословят, и девочки боятся быть в кружке.

Это неправильно. Надо жить по-товарищески...

Отряд ЮП № 5 имени Сталина, звено № 3

Макар СНОПОВ

Хорошие отношени к немецкому языку

У нас в I школе II-й ступени на уроке немецкого языка стоит шум, крик свист и ругань. Больше всех в хулиганстве отличаются Трофимов Иван и Степанов Семен. Часто ученики руководимые Трофимовым и Степановым поднимут шум, а в это время кто нибудь крикнет: „Звонок" и все бросаются из класса вон. Иногда урок срывается на 5-10 минут. К занятиям ученики также относятся плохо. Долой хулиганство на уроках немецкого языка. Даешь хорошее отношение к немецкому языку.

= Боровичи — Б. Ф.

СМЫЧКА ДВУХ ОТРЯДОВ

В Иошкар Оле отряд юных пионеров школы II ступени захотел наладить связь с отрядом № 2. Принесли для 2-го отряда 10 билетов для входа на вечер в их школе. Мы пошли. Был доклад, говорили про плохое обращение русских с марийцами, что мол русские часто называют марийцев лопарями. После же доклада, когда мы уходили, на нас стали показывать пальцами и называть лопарями, черемисами.

Вот какое обращение у культурных второступенцев с марийцами.

Пионер-мариец

Дмитрий ВИНОГРАДОВ

Д. К.

См. 3 стр. облонжки

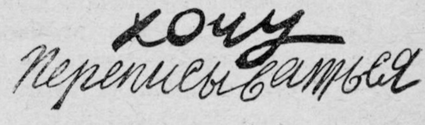

У нас в 1-й школе II ступени преподается пение. Большую часть уроков мы проводим за зубрежкой теории, которая впоследствии большинству не понадобится, и мало уделяем времени пению песен.

Я предлагаю изменить такой способ преподавания Нужно больше заниматься пением песен, чем теорией. А то выходит так: теория зазубрена, а петь мы не умеем.

Боровичи

Деткор Б. Ф.

— ГЕОРГИЙ ТОНЧИЙ. Казакстан, п/о Ванновское, село Ванновка, Сыр-Дарьинского округа, Беловодского района.

— ЕГОРОВ КРОНИД, г. Демьянск, Новгородского округа, ул. К. Либкнехта, 4.

Хочет переписываться с пионером города Самары.

— Наше звено желает переписываться с каким-либо московским звеном.

Наш адрес: Курган, Каширенский отряд № 2, звену № 1 „Слесарь“.

маленький АЛИ

Рассказ М. МОРОЗОВОЙ
Рисунки худ. А. БРЕЯ

1

Восток раскалялся. Багрово вспыхнули облака и, отливаясь в причудливые формы, медленно растекались по остывшему небу.

Зарделись иллюминаторы парохода. Радостнее зашагал вахтенный на мостике. На палубу высунулась взлохмаченная голова. Весело блеснули глаза, и радостный крик оглясил сонную палубу:

— Эй, братва! Вставай! Суэц виден!

Голос радостный и звонкий защекотал сонные уши, заставляя открывать глаза.

— И что тебя, Илька, черти дергают!—недовольно заворочались матросы.

— Да ведь Суэц! На берег сойдем!

— Смотри, как бы для тебя англичане автомобиль не выслали,—насмешливо отозвался боцман.

Илька, худощавый и смуглый, весь трепетал. Двадцатидневный переход по Индийскому океану истомил его больше всех. Команда, скучая, издевалась над ним, новичком, и часто доводила Ильку до последней точки давления. После этого следовал взрыв Илькиного терпения под дружный смех матросов.

Боцман первый не захотел назвать его полным именем, несмотря на восемнадцать лет Илькиной жизни.

— Еще в Ильках поплавай, пока морским ветром не просолишься.

За боцманом и другие потянулись. Так и поплыл новичок Илькой из Владивостока в Одессу через все встречные моря и океаны.

Команда поднималась. Белая линия Суэца радовала всех. Потянул береговой ветер, спала жара, исчезло и дурное настроение. Нос „Трансбалта“ начал густо покрываться матросами. После блеска Индийского океана и жаркого Красного моря, под пылающим небом, глаза матросов отдыхали на унылом песчаном берегу с грязно-желтыми домами Суэца и кучками пальм возле них.

Взметнув последний раз густым черным дымом в плавящееся небо, „Трансбалт“ замедлил ход. На грот-мачте всколыхнулся лоцманский флаг, а на кормовой взвилось красное полотнище с серпом и молотом.

— Гляди-ка, Илька. Никак уж автомобиль катит для тебя,—указал боцман на берег.

От берега быстро бежали два катера. Особенно торопился первый, трепыхая египетским флагом с серебряным месяцем и тремя звездочками на зеленом поле. Илька озадаченно смотрел на него. Полицейский катер быстро приблизился, обежал пароход кругом и поплыл рядом, чутко насторожась. На катере сидели два английских полисмена с тупыми лицами, три араба и негр с черной, отливающей глянцем кожей.

Подплыл другой катер под самый борт парохода. С борта упал веревочный трап. Поднялся доктор-англичанин, за ним два араба-полисмена. Скоро раздалась команда. Все выстроились на палубе для медицинского осмотра.

Подплыл еще катер с лоцманом. „Трансбалт“ медленно двинулся к берегу и скоро бросил якорь на рейде Суэца, среди других пароходов, ожидающих очереди для отправки в Порт-Саид через Суэцкий канал.

На пароход поднялись два английских полисмена и застыли у трапа. На берег никого не пустили.

Скученные дома Суэца в рамке безжизненных берегов, полисмены внизу на лодках—будили на пароходе раздражающее беспокойство, а грунтовый запах поднимал тошноту.

Почувствовал Илька тоску и пошел разыскивать библиотекаря.

— Дай ты мне египетскую политику, чтобы я мог узнать, что тут за народ живет и по какому это праву англичане забрались к нам на пароход!—сказал он, на что библиотекарь сердито ответил:

— Про это право, надо было на лекциях бывать да слушать. А теперь, вот подавай ему политику!

Илька виновато ответил:

— Жара, товарищ, сам знаешь!—и как бы оправдываясь:—а вот по английскому-то я здорово двинулся.

Библиотекарь положил перед Илькой брошюру о современном Египте, а сверх нее бросил истрепанную книжку древней истории Египта.

Илька спустился в кубрик и уткнулся в чтение.

К вечеру „Трансбалт“ направился в Суэцкий канал. Когда Илька поднялся на палубу, его поразил пустынный вид берега.

Здесь тянулось песчаное царство аравийской пустыни.

Илька взглянул назад. Позади парохода плыл конвоирующий полицейский катер, а по палубе расхаживали два невозмутимых полисмена.

Илька подошел к кучке матросов, сидящих на куче свернутого каната.

Матросы молча курили. Ночь все густела. Пустынная тишина давила всех. Наверху, в черном куполе неба, плавились крупные южные звезды.

Илька вновь подошел к борту и заглянул вниз. И вдруг перегнулся ниже, всматриваясь в трап, висящий на цепях.

Там, на последних ступеньках, полувися над водою, сидела какая-то небольшая фигурка. Илька сделал несколько шагов и очутился как раз над ней.

Фигурка зашевелилась, подняла голову.

Илька увидел арабского мальчика. Мальчик сказал что-то Ильке и начал карабкаться по ступенькам трапа. На палубе раздались шаги. Взглянув туда, Илька увидел приближающегося полисмена. Не отдавая себе отчета, Илька схватил свернутые петли каната и, беспечно насвистывая, повесил его через борт как раз над мальчиком. Полисмен подошел, чуть приостановился около Ильки, беспечно убирающего канат на палубе. Пошел дальше и скрылся за углом каюты.

Илька быстро спустил конец каната мальчику, тот ухватился за него, и скоро над палубой показалась курчавая голова арабченка, лет тринадцати, с халата его текла вода. Он дрожал, что-то говорил, но Илька разобрал только одно:

— Русска! Русска!

Полисмен мог опять показаться из-за угла, а потому Илька быстро схватил мальчика за руку и втолкнул его в кубрик.

— Находка, товарищи!—крикнул он возбужденно, вытолкнув вперед мокрого арабченка.

Матросы обступили их, разглядывая мальчишку. Арабченок что-то быстро и горячо говорил, но никто не мог понять. Илька только перехватил голодный взгляд мальчика и подал ему кусок хлеба. Арабченок жадно схватил хлеб и сунул его в рот.

— Накормить его надо да переодеть,— крикнул кто-то.

Одни бросились в кухню, другие начали рыться в своих сундуках.

— По-английски он наверно понимает,—выступил Никитин и, как лучший знаток английского языка, обратился к мальчику:

— Знаешь по-английски?

— Да,—ответил мальчик под одобрительный гул матросов.

Они еще теснее сгрудились около мальчика, так как многие из них понимали английский язык.

— Есть у тебя отец и мать?

Арабченок отрицательно закачал головой.

— Как тебя зовут?

— Али,—довольно чисто заговорил мальчик.— Али один. Али хочет ехать с русскими.

— Да ты откуда Россию-то знаешь?

— Али много слышал о русском большом человеке от арабов и феллахов [1],—медленно выговаривал Али английские слова, вскидывая густые ресницы на матросов. Мальчик начал говорить все свободнее и доверчивее.

Али не знает отца и матери, он помнит только одну сестру, вечно закрытую черной чадрой. Али и сестра жили у толстого араба, который держал духан-гайхан [1], где много было вина и агвы, но Али никогда не смел есть ее. Араб часто бил Али и, когда Али плакал от боли, сестра пела ему песни, утешая его. Потом араб продал сестру другому толстому арабу в жены. Али остался один. Араб назвал себя дядей Али, и мальчик должен был служить в духан-гайхане, приносить вино и трубки. Там в духан-гайхане, Али слышал о русском большом человеке.

Уж два раза разливался Нил после того, как Али остался один. Али убежал из духан-гайхана искать русских. Он целый день шел по каналу, потом переплыл его и там, на берегу, натолкнулся на кучку рабочих, которые сказали ему, что этот большой пароход—русский пароход.

Илька молча слушал его. Он понимал рассказ Али. Этот худощавый мальчик с бездонными грустными глазами будил воспоминания его детства, такого же одинокого среди чужих людей. Он положил руку на голову мальчика и, указывая себе на грудь, сказал:

— Я тоже один, брат Али, поедем со мною.

Арабченок мигал длинными ресницами, он понял слова Ильки и, хотя не мог понять, как это он, Али, в грязном халате, может быть братом этому чистому русскому матросу,— все же сказал:

— Али поедет с тобою.

Над пароходом попрежнему плавились звезды и попрежнему была тишина. Палуба совсем замерла, только в одном месте, над иллюминатором кубрика низко нагнулся полисмен и внимательно слушал.

2

Когда утром Илька поднялся на палубу, „Трансбалт“ стоял уже в Порт-Саиде, окруженный полицейскими лодками. Человек десять полисменов было рассыпано по палубе парохода. Среди полисменов были и арабы в красных фесках.

У горизонта блестел Нил. На Ниле были видны лодки с высокими парусами, похожими на исполинские крылья. На пароходе уже стучал под'емный кран. Выгружали лес и нагружали джут, рожки и уголь.

Илька спустился в кубрик. Там в углу на нарах сидел Али, вымытый и одетый в приспособленный, насколько возможно, матросский костюм. Али весело блеснул зубами навстречу Ильке.

Во время обеда собравшиеся матросы узнали от Али, что грузчики получают только один шиллинг в день, работая до позднего вечера и даже ночью, если бывает спешная погрузка.

Пока матросы расспрашивали Али, наверху в каюте капитана сидел офицер английской полиции и говорил, что им получено заявление от одного араба, где говорится, что убежавший недели две назад мальчик, по имени Али, служивший у него в духан-гайхане, по слухам находится на русском пароходе в Порт-Саиде. Араб просит содействия английской полиции, так как мальчик украл у него крупную сумму денег.

Офицер сказал удивленному капитану, что один из полисменов действительно видел мальчика на пароходе у матросов. Офицер обязан его увести, о чем он ставит в известность капитана парохода и просит отдать распоряжение о выдаче мальчика...

[1] Феллахи—местные крестьяне.

[1] Духан-гайхан—чайная.

В кубрик по трапу застучали торопливые шаги, и старший матрос с хмурым лицом предстал перед Илькой и Али.

— Ну, брат, твоего Али англичане требуют! Среди смущенных матросов поднялся шум.

Али испуганно следил за ним, не понимая, в чем дело, но слыша свое имя, чувствовал, что случилось что-то тревожное.

Когда Никитин с жалостным лицом решился наконец сказать мальчику, Али заплакал и сказал, что денег он не брал. Крупные слезы скатывались с густых ресниц, он схватился за Ильку и, глядя на него глазами полными страха и мольбы, просил не отдавать его англичанам.

Заглянул Илька в эти безрадостные глаза и крикнул:

— Не отдадим Али, ребята!

— Илька, не дури! Этого сделать мы не можем,— сказал старший матрос,—не наши здесь законы.

В кубрик спустился арабский надсмотрщик, увидел Али и грубо толкнул его к выходу.

— Эй ты, египетский гражданин!—кинулся на него Илька.— На советском пароходе драться нельзя!—Но Никитин схватил его за руку. Надсмотрщик не понял, сердито сказал что-то и поднялся наверх с плакавшим Али...

Когда Илька выбежал на палубу, от борта отплывал полицейский катер. На дне катера Илька увидел Али. Он сидел жалким комочком в смешной широкой русской рубашке и обрезанных штанах.

Полисмены, невозмутимые и равнодушные, стояли у трапа.

Илька выругался.

3

Когда на другой день снова раздался надрывный крик грузчиков, Илька спустился в трюм, где при свете лампочки арабы сбрасывали уголь в огромную яму.

Не успел Илька оглядеться, как один из грузчиков, завидя его, оглянулся на лестницу, где скрылся надсмотрщик, торопливо шагнул к Ильке и быстро зашептал, коверкая английские слова.

— Али го ту Каир, камели... [1]—и показал рукой на юг. Быстро-быстро говорил еще что-то, но Илька только разобрал первое, что Али ушел или уходит в Каир с караваном. Бросившись наверх, он разыскал Никитина и притащил его к грузчику. Араб опять оглянулся и снова также быстро заговорил.

Илька узнал, что дядя привел Али из полиции, больно избил его и отдал одному бедуину в погонщики верблюдов. Сегодня караван должен уйти в Каир. Али долго плакал, а он, Гассан, все это узнал от того негра, что служит у дяди Али в духан-гайхане.

— Просто продал в рабство твоего Али,—закончил свой перевод Никитин.

Молча выслушал Илька, потом сказал:

— Сплавили, рыжие дьяволы! Ну, мы еще посмотрим!

Потом он поднялся на палубу, сверкнул глазами на полисменов. проходя мимо. Увидя одного из помощников капитана, Илька, как бы мимоходом, спросил, когда кончится погрузка угля и когда думает сняться „Трансбалт“.

Помощник ответил, что погрузка угля закончится часа в два-три, а снимутся не раньше завтрашнего утра.

Илька повеселел. Он опять разыскал Никитина, отвел его в сторону и сказал ему, что он, Илька, переоденется в какие-нибудь старые штаны с курткой, обмотает голову грязной длинной тряпицей, вымажется в угольной пыли и вместе с грузчиками под видом араба пройдет с парохода, найдет Али и вернется вместе с ним на пароход. Времени он считал для этого достаточно.

— Нужно посвятить в это Гассана. Ты скажи ему об этом, но только пусть он молчит.

И когда Никитин изумленно открыл было рот для протеста, Илька веско добавил, сжав ладонь:

— А если ты меня выдашь, то...—и поднял к самым глазам Никитина крепко сжатый кулак.

Когда в три часа грузчики кончили работу и обычной чередой подходили к мостику трапа, где их обыскивал английский полисмен, — на верхней палубе, как раз над феской полисмена, показался Никитин. Когда после Гассана к полицейскому, усиленно жуя белый хлеб подошел грузчик пониже других, Никитин громко обратился к английскому полисмену.

— Уот ду ю спик?[1]

Полисмен, подняв руки для обыска юного грузчика, предупредительно поднял голову вверх, так как с ним впервые заговорил русский матрос.

Матросы разглядывали мальчишку.

Руки полисмена привычно заскользили по телу грузчика.

— Я говорю, что ваша организация полиции не похожа на нашу.

Руки, ничего не найдя, скользнули вниз.

— О, да,—самодовольно заговорил полицейский,— наша полиция служит образцом для всего мира.

Грузчик быстро сбежал по трапу, прыгнул в шлюпку и сел на самой корме рядом с Гассаном, спиной к пароходу.

Быстро наполнилась шлюпка и отчалила к берегу.

— О-ла-се!—крикнули грузчики матросам.

— Па-на-ле! — обернулся и грузчик на корме и стрельнул смеющимися глазами прямо в лицо Никитину.

— Вот, чорт, засыпется,—испуганно ругнулся тот, следя за лодкой.

Лодка остановилась у берега. Никитин видел, как Илька спрыгнул с борта и вместе с Гассаном скрылся за домами...

[1] Али идет в Каир, верблюд...

[1] Что вы говорите?

Гассан вел Ильку по окраинам узкими переулками к арабскому кварталу. Улочки были пустынны, кое-где сновали арабы в длинных халатах с фесками на голове и европейскими пиджаками поверх халатов. Скоро они были в арабской части города.

Первое, что обратило на себя внимание Ильки, были глухо закрытые человеческие фигуры. На месте лица была черная сетка, на которой виднелась только узкая глазная щель.

— Кто это?—спросил он Гассана.

— Женщины,—прошептал Гассан и дал знак молчать.

Впереди показался полисмен. Гассан быстро свернул в первую улицу.

Гассан указал на открытые двери одного дома, в котором сидело несколько нубийцев.

— Вот духан-гайхан дяди Али.

Илька в глубине комнаты увидел толстого обрюзгшего араба.

Гассан не пошел в двери, а свернул за угол, там была меленькая дверка на двор.

Гассан сказал Ильке, чтобы он подождал его здесь, а сам скрылся за стеной.

Илька присел у стены. Ждать пришлось не долго. Из угла вынырнул Гассан с финиками и маисовой лепешкой. Он об'яснил, что Али уже ушел с караваном в Каир.

— Когда ушел караван?

Гассан об'яснил, что караван ушел час назад. Потом присел на землю и начал есть. Илька задумался. Было только четыре часа дня. Пароход снимается не ранее завтрашнего утра.

— Где дорога в Каир?—спросил он Гассана.

Когда удивленный Гассан спросил, зачем ему дорога в Каир, то Илька об'яснил ему, что он пойдет догонять караван и возьмет Али. Гассан энергично замотал головой:

— Русскому это невозможно!

— Али — мой брат, — ответил ему Илька, — все равно пойду.

Тогда Гассан встал и повел Ильку из арабского квартала. Дорогой он сказал ему, что через три часа пути караван сделает привал в деревне, откуда видны пирамиды, и заночует там.

Они вышли из квартала, перешли через мост канала.

— Там Каир,—указал Гассан на одну из дорог, бегущую к Нилу. Потом он присел у моста и стал смотреть, как зашагал русский по грунтовой дороге.

Илька шел быстро. Его тело, бывшее долго на море, радовалось земле, шаг был упругий и легкий. Он оглянулся, Гассан все сидел и смотрел ему вслед. Потом перевел глаза на рейд, отыскал место стоянки „Трансбалта", увидел его огромный корпус и красный флаг на мачте, радостно махнул рукой и ускорил шаг.

Илька знал, что караваны двигаются медленно и возможно он нагонит его еще до деревни, но подойти к каравану лучше вечером, тогда легче будет увести Али и удрать в Порт-Саид.

На горизонте Илька увидел вершины пирамид, освещенные красным закатом. Илька шел, не отрывая глаз от острых вершин. Вдруг он услышал крик позади. Он оглянулся; бежал какой-то араб и махал ему рукой.

— Ила! Ила!

Илька узнал Гассана и удивленный остановился.

Грузчики спускались на берег.

— Я тоже итти!.. Я тоже брат русскому!..—заговорил, подбегая, запыхавшийся Гассан —Гассан друг русскому... Гассан будет помогать!—возбужденно говорил Гассан и протягивал Ильке горсть фиников и маисовую лепешку, скудную свою пищу.

Илька радостно слушал Гассана, сжал ему руку, принял от него финики и зашагал опять рядом с Гассаном.

К Нилу шел феллах, ведущий буйвола.

Гассан что-то крикнул феллаху, тот остановился. Гассан подошел и начал о чем-то расспрашивать феллаха.

— Караван вон в той деревне,—обернулся Гассан на группу пальм впереди.

Было совсем темно, когда Илька с Гассаном подходили к деревне. Виднелось пламя костра у первого дома.

Небольшой караван расположился под группой пальм. Вокруг костра, поджав ноги, сидели вожаки верблюдов. Поодаль от них, на лучшем месте, сидел человек, весь закутанный в цветной плащ, рядом с ним лежало оружие. Судя по тому, как презрительно он относился к другим, Илька решил, что это был начальник каравана или купец, нанявший погонщиков. Позади виднелись головы пяти верблюдов с кротко мигающими глазами.

Около них на корточках Илька увидел мальчика. Лица его не было видно, но по плечам и грязной ермолке на голове Илька узнал в нем Али. Гассан сделал знак, Илька тихо пошел следом за ним за кучу маисовой соломы.

— В караване бедуин, — зашептал Гассан. — Бедуин — слуга шейха, а шейх — слуга англичан. Если бедуин поймает Али, он забьет его насмерть. Нужно ждать, когда он уйдет спать, тогда заснут и вожаки.

Они притаились за кучей соломы, вздрагивая от ночной прохлады, наблюдая за людьми у костра. Вскоре бедуин поднялся, подошел к заснувшему Али, пнул его ногой и закричал на него. Али испуганно вскочил.

Бедуин опять что-то крикнул Али, взял оружие и скрылся в стенах хижины. Погонщики начали устраиваться около верблюдов и скоро затихли. Али, потирая ушибленное место, скорчился у костра. Из пустыни донесся вой гиены и сменился лаем шакала. Верблюды повернули головы, Али пугливо оглянулся...

Тогда встал Гассан и подошел к костру, как путник, подошедший на ночлег.

Илька видел, как он присел возле Али и тихо заговорил с ним.

Спустя несколько минут Али поднялся и осторожно двинулся к тому месту, где был Илька.

— Али!—тихо окликнул он мальчика и поднялся навстречу.

— Ила! Ила!—бросился к нему Али.

— Тише, Али. Что тебе говорил Гассан?

Али испуганно затих.

— Гассан сказал, надо итти быстро-быстро, Гассан нагонит нас! Али знает, куда итти!—он схватил Ильку за руку и повел его в темноту ночи.

— Али думал, никогда больше не увидит своего брата!—зашептал он Ильке, выходя с ним на дорогу.

Али шептал, как бил его дядя, когда вернулся из полиции, ругал русских, потом отдал его этому бедуину в услужение на три года.

Скоро они услышали за собою легкий звук бегущих ног, остановились, и Гассан присоединился к ним.

Около верблюда Илька увидел мальчика.

— Нужно быстро итти, пока месяц не поднялся над Нилом. Когда мы будем на половине пути от Порт-Саида, нам не надо будет бояться погони: арабы бояться ночью пустыни.

Они двинулись беглым шагом. Гассан смотрел на яркие звезды и не сбивался с пути.

Было не больше одиннадцати часов, когда они подошли наконец к огням Порт-Саида. А когда они приблизились к месту стоянки русского парохода, Гассан испуганно вскрикнул.

Илька убедился, что случилось какое-то непредвиденное обстоятельство. Пароход снялся с якоря раньше, чем предполагалось.

„Трансбалт“ снялся с якоря и развертывался на тесном рейде, готовясь к выходу в море. Около него неотступно юлили полицейские катера и лодки. Нечего было и думать плыть к нему на глазах всей полиции.

Али словно окаменел от ужаса. Илька обернулся к растерянно стоявшему Гассану.

— Гассан, мы опоздали, здесь плыть нельзя, полиция отведет Али обратно к дяде!

Гассан утвердительно кивнул головой. Али задрожал.

— Но можно там!—и он указал рукой на открытое море.—Гассан должен достать лодку скоро-скоро!

Гассан радостно закивал головой.

— Гассан пойдет к другому брату, у него есть лодка.

Потом он сказал что-то ожившему Али и, обернувшись к Ильке, добавил:

— Русский пойдет с Али к морю, где стоит каменный человек... быстро-быстро! Гассан пойдет к Измаилу!

И Гассан отделился от них и скрылся в проулках города.

Али повел Ильку через глухие улицы и скоро они были на пустынном пляже Средиземного моря.

На счастье пляж не был освещен. Только с высокой башни падали лучи прожектора и освещали далекий горизонт.

Метрах в ста от памятника на берегу колыхалось несколько лодок. Путники направились к лодкам и скрылись в одной из них, все время всматриваясь и вслушиваясь, не плывет ли Гассан.

Вдруг Али схватил его за руку. Илька быстро поднялся. С западной стороны доносился чуть слышный звук моторной лодки. Скоро Илька различил и темный силуэт.

— Ила!—раздался тихий оклик Гассана.

— Есть!—радостно отозвался Илька. Он выпрыгнул из лодки, вода была по пояс. Илька взял за руку Али и зашагал на голос Гассана.

Кто-то протянул ему руки с моторной лодки, когда он подошел к ней, и, несмотря на слабо отраженный свет от луча прожектора, Илька увидел форму полицейского. Он вскрикнул и испуганно отступил.

— Не бойся!—засмеялся полисмен.—Измаил друг русского. Торопись, пароход уже выходит!—и он принял с рук успокоенного Ильки дрожащего Али, потом помог и Ильке.

Илька и Али легли на дно лодки на что-то мягкое, и лодка быстро двинулась вперед, держась наперерез идущему пароходу.

— Английская полиция думает, что Измаил поплыл смотреть огни! Думает, что Измаил тоже не любит русских!—Измаил тихо засмеялся.

Потом нагнулся к Ильке и зашептал:

— Арабы, феллахи, турки—в Судане, Каире, Стамбуле—все брат русским. Много брат!—и он дружески похлопал лежащего Ильку.

Лодка пересекла цветную линию огней и завернула навстречу пароходу со стороны, скрытой от города.

Никитин стоял на палубе и отчаянно всматривался в удаляющиеся огни города.

Никитин утешался тем, что Гассан скроет Ильку до следующего русского парохода, а там незаметно в числе грузчиков проведет на пароход.

Вдруг что-то зашумело около судна.

— Илька!—вскрикнул вдруг Никитин и нагнулся над бортом.

— Есть!—весело отозвался голос, знакомый всем.

Матросы толпились над бортом, удивленные и радостные возвращением Ильки.

— Принимай гостя сначала!

По трапу поднимался, как обезьянка, маленький человечек. Скоро над бортом показалась кудрявая голова Али

Пока матросы разглядывали улыбающегося Али, Илька внизу прощался с Измаилом и Гассаном.

Арабы ласково улыбались, пожимали руки Ильке.

Илька поднялся по трапу, махнул еще раз рукой, и лодка тихо отплыла.

— Ну, не думал я, Илья, что ты такой фартовый,—сказал боцман, и в голосе его звучала новая нотка симпатии к Ильке. Он в первый раз назвал его полным именем.

Кузька ПО СССР

Рис. худ. А. ЛАПТЕВА
Стихи Н. АГНИВЦЕВА

КУЗЬКА СОБИРАЕТСЯ В ДОРОГУ

1

Кузька очень долго думал,
Думал, думал и—придумал:
— А, давай-ка мол я, Кузька,
По Союзу прокачусь-ка!
Потому что, уверяю:
Это ж форменный конфуз—
Знать так мало, как мы знаем,
Про свой собственный Союз!..

2

Первым делом: тут и там—
По коопам и ларькам
Для дороги дальней той
Накупил он всякой всячины,
Еле все забрав с собой...
Но недаром деньги трачены:
Кузька вовсе не такой,
Чтобы зря трясти мошной!

3

Сдавши вещи на хранение,
Кузька в трепетном волнении
В Зоопарк спешит проститься
С каждым зверем, с каждой птицей!—
Зоопарка обитатели—
Сплошь все Кузькины приятели!

4

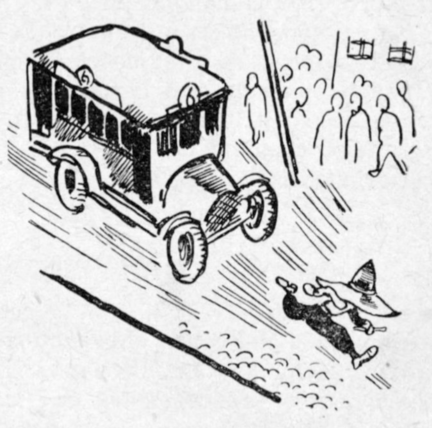
И у входа Кузька с маху
Шляпу на спину вдруг шварк!
И, нагнав на встречных страху,—
Самодельной черепахой
Он проходит в Зоопарк!

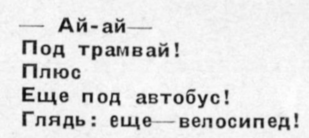
5

Ну и естественно
По этому поводу
Были торжественны
Кузькины проводы!
Прямо лезли все из кожи!
Львы ревели! Тигры тоже!
Волки выли! Утки крякали!
А зайчата даже плакали!

6

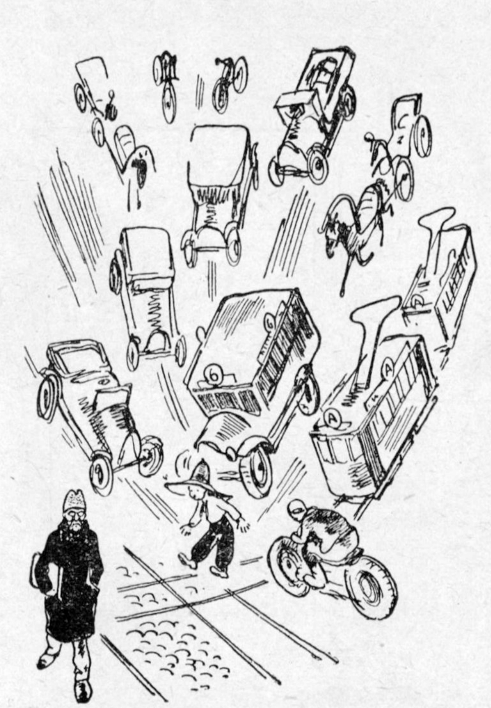
На вокзал оттуда срочно
Кузька лупит сверхурочно!..
Глядь, идет среди прохожих
На Калинина похожий!..
Так похож, что видно прямо—
Не иначе, как он самый!
И с почтением на старосту
Кузька, на-те вам пожалуйста,
Загляделся! Заморгал!..
И немедленно попал—

— Ай-ай—
Под трамвай!
Плюс
Еще под автобус!
Глядь: еще—велосипед!

Глядь: еще —мотоциклет!
Глядь: еще тут подкатили
25 автомобилей,
Дым пускают и ревут!..
И извозчик тут, как тут!
— Ка-пут!!!

7

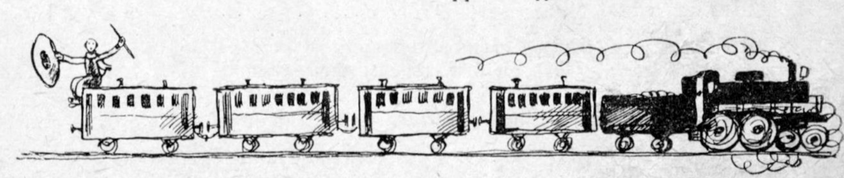
С ним чуть-чуть не вышло худо!
Еле выбравшись оттуда,
Прибежал он на вокзал,
Прыгнул в поезд и сказал:
— Коль пройдешь по Москве,
Зашумит в голове!
Ведь недаром Москва—
Городам голова!

8

Поезд грохнул,
Закачался!..
Кузька охнул
И помчался!..

9

— До свиданья!

ПОЧЕМУ ТАК ГОВОРИТСЯ?

Очерк ИГНАТА

Рис. М. АКСЕЛЬРОДА

Много есть таких выражений, употребление которых как будто знакомо, а об'яснить не всякий умеет. Почему говорят:

„Храпеть на всю ивановскую"

„Ох, тяжела ты, шапка Мономаха"

„Жребий брошен"

„Не пройдешь,—там такой Цербер, ни за что не пустит".

Первые два выражения попробуйте об'яснить сами и пришлите решения в редакцию „Пионера"—мы вам ответим—правильно или нет.

А остальные два и еще несколько об'ясним сейчас.

Геркулес

Геркулес был сказочным богатырем у древних греков, как Илья Муромец у русских. Жизнь Геркулеса—это жизнь целого народа [1]. В рассказах о нем греки об'единяли свои воспоминания—свою борьбу с дикими зверями, с соседними народами, свои дальние странствования.

Рассказы эти так интересны, что живут у всех культурных народов и теперь, когда создавший их народ давно уже исчез с лица земли [2].

Прежде всего Геркулес—идеал мужской силы, мужества и находчивости. И до сих пор про необычайного силача говорят: Геркулес!

За тяжкое преступление, сделанное им, Геркулес попал в рабство к царю Эврисфею. Тот давал ему такие поручения, что каждое из них могло погубить героя. Было их всех двенадцать. И все их Геркулес блестяще выполнил.

Вот некоторые из них.

Геркулесовы столбы

Эврисфей поручил Геркулесу добыть золотые яблоки из сада Гесперид. Где находился этот таинственный сад—никто не знал. И герой долго странствовал по разным странам, пока наконец дошел до края света. Там он увидел великана Атланта, который на своих могучих плечах держал небесный свод. Тот оказывается знал, где чудесный сад Гесперид, и вызвался помочь Геркулесу.

— Только,—говорит,—я сам это сделаю, тебе туда все равно не дойти, а ты пока подержи за меня небесный свод.

Геркулес подставил плечи и принял на себя страшную тяжесть.

Атлант скоро вернулся с желанными яблоками и вызвался отнести их к Еврисфею, но Геркулесу совсем не хотелось остаться здесь неожиданным пленником, и он пошел на хитрость.

— Я согласен,—сказал он,—только отпусти меня на минутку, я устроюсь поудобнее, подложу чего-нибудь под плечи.

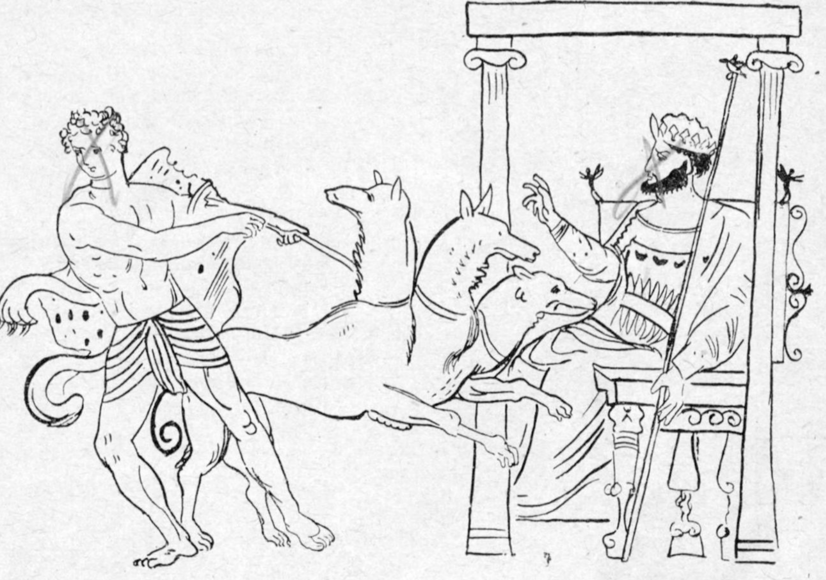
Атлант принял на себя небесный свод, а Геркулес забрал яблоки и был таков. Атлант же остался там навсегда.

От него высокие горы на западном краю Африки начали называться Атласскими, и Атлантический океан получил свое имя. Впрочем название океана имеет еще и другое об'яснение, о чем в ближайшем номере расскажем целую интересную историю.

А Геркулес, прежде чем вернуться назад, совершил еще один подвиг.

За краем земли находился океан, который—думали греки—обтекает всю землю. Средиземное море было отгорожено от него каменными скалами. Геркулес вырвал эти скалы и поставил их по обеим сторонам образовавшегося при этом пролива. Пролив назвали Геркулесовы столбы (теперь его называют Гибралтарский пролив). Так далеко не заходил еще ни один человек. Геркулес достиг крайнего пункта И до сих пор говорят: Геркулесовы столбы выносливости, глупости, лени... Значит дальше итти некуда.

Если вы теперь взглянете на карту—поймете, как создалось это предание. Сначала греки плавали только по Средиземному морю, а потом решились выйти в океан. Отсюда—легенда о преграде, разбитой Геркулесом.

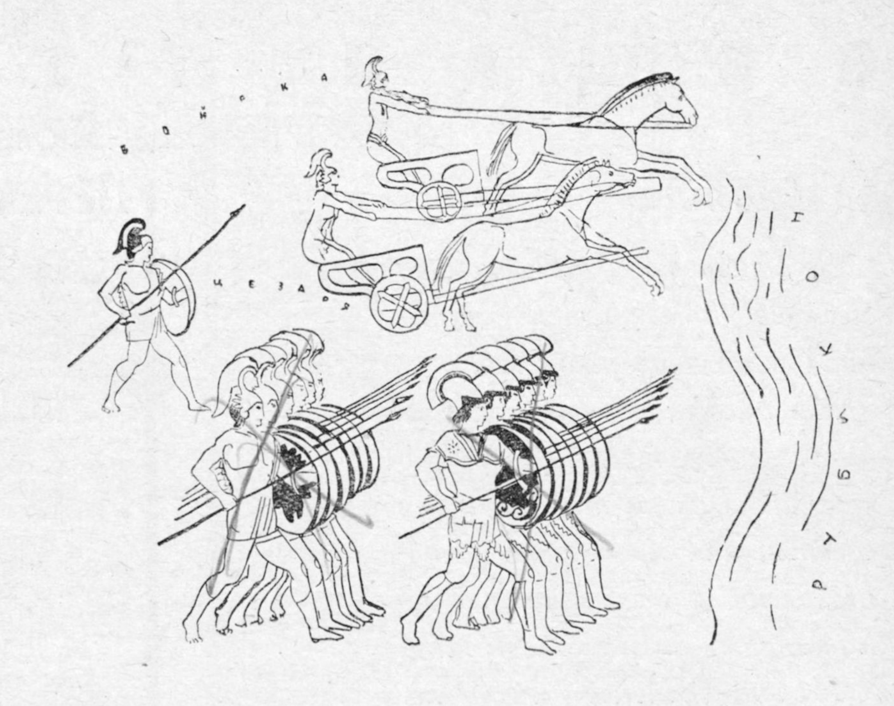
Геркулес у Еврисфея

---

[1] Главным образом господствующего класса—феодалов, потому что он был героем феодальной эпохи.

[2] Современные греки не имеют почти ничего общего с древними.

Авгиевы конюшни

Героем этой истории был тот же Геркулес. Эврисфей задал ему работу: очистить конюшни у соседнего царя Авгия. А скот у этого царя помещался перед его дворцом в громадной ограде. Долго уже стояло там три тысячи быков и лошадей. И за все это время конюшни ни разу не чистились! Навозу набралась целая гора. А Еврисфей потребовал от Геркулеса, чтобы он весь этот навоз убрал в один день. И заранее посмеивался: дело было явно безнадежное! Не говоря уже о том, что для героя, знатного человека, считалось постыдным взяться за такую грязную работу.

И все-таки Геркулес работу сделал в назначенный срок и достоинства героя не уронил.

Недалеко от дворца Авгия протекала река. Геркулес прорыл глубокую канаву от нее к конюшням. Набежавшая вода, разлившись по конюшням в один день смыла и унесла весь навоз.

С тех пор, когда где-нибудь наберется много хламу, много ненужного,—говорят: Авгиевы конюшни.

Напоследок Эврисфей придумал для Геркулеса самую страшную задачу: привести на землю стража подземного мира, трехголового пса Цербера. Это чудовище лежало у врат ада и никого не выпускало оттуда. Подземный бог, Плутон, согласился на это, но с условием, что Геркулес одолеет пса голыми руками.

Герой одолел чудовище и выволок его на землю. В первый раз вход в подземное царство остался без своего верного и злого сторожа. Однако Цербер не мог оставаться на земле. Когда Геркулес бросил его к ногам испуганного Эврисфея, он сейчас же с глухим ворчанием провалился сквозь землю.

А теперь всякого сурового сторожа называют: Цербер!

Жребий брошен

Юлий Цезарь, римский полководец, стоял со своими легионами на берегу реки Рубикон. Там за рекой к югу расстилались долины Италии. Там был Рим.

Туда стремились воины Цезаря, истомленные в Галлии[1], полудикой римской колонии, непрерывными войнами, постоянными походами.

А Цезарь был в тяжелом раздумьи. От римского сената пришел приказ: Рубикона не переходить, иначе он, Цезарь, будет об'явлен изменником. А он восемь лет тому назад получил эту колонию, которую еще нужно было завоевать. И он ее завоевал, а вместе с тем и закалил свое войско. Под его начальством воины никогда не знали поражения, никогда не оставались без добычи. Какое им дело до сената! Пусть ведет их в Рим!

Однако перейти Рубикон значит начать войну с своим правительством. В случае неудачи—гибель. Но разве может быть неудача с таким войском?

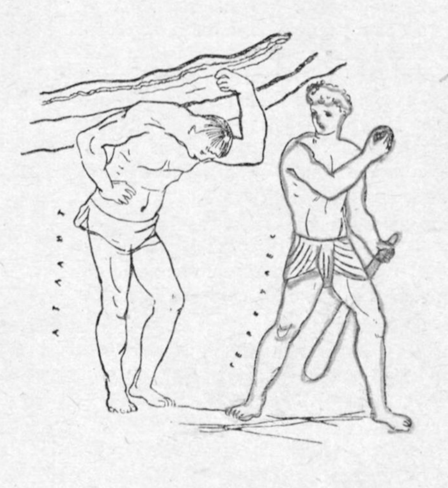
И Цезарь решился. Он сказал:

— Жребий брошен!

— И приказал начать переправу. Возврата назад быть не могло: начиналась борьба не на жизнь, а на смерть, борьба с сенатом за власть—Цезарь перешел Рубикон.

И вот эти два слова Цезаря сделались крылатыми словами. Их говорят, когда принимают бесповоротное решение.

А когда сделают что-нибудь такое, после чего уже нельзя отступать, — говорят: Рубикон перейден.

[1] Нынешняя Франция.

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ

Ребята! 1

В „Пионере“ уже несколько месяцев помещается материал в помощь школьнику.

Мы писали о том, как сделать ранец, пенал, плетеную сумку, рамку и т. п., давали советы, как проводить клубный день и перемену, что делать дома и в школе и т. д.

И вот „Пионер“ очень хочет узнать, что полезного дал вам этот отдел, что из написанного в нем вы применили на практике, что сделали и что бы вы хотели прочесть в этом отделе. Пишите об этом в редакцию.

ПЕРЕМЕНА В ШКОЛЕ 2

Устаем ли мы, когда сидим в школе на уроке? Устаем.

Как можно отдохнуть? На перемене.

А как мы отдыхаем на перемене?

— На-днях Коля Пуговкин на перемене стекло разбил.

Почему?

— А он с Леней подрался. Леня от него на подоконник залез, а Коля разбежался, вскочил туда, да вместо Лени по окну ударил, ну оно и не выдержало! Плохие стекла в окна вставляют.

— Товарищи, кто лавку опять сломал? Ведь я десять минут только как вышла из класса, и уже успели сломать лавку. Это которая по счету на этой неделе?

— Только третья, Анна Григорьевна!

— Плохие лавки покупаете, вот и ломаются.

— На перемене и отдохнуть не дают!

— То лавки им жалко, то окно разбилось, а мы виноваты!

А дома:

— Зинаида, и что это я тебе платьев не наготовлюсь? Это что какое пятно посадила! Наверно все чернила в школе на платье вылила.

— Мама, я не виновата! Это мы в перемену в классе играли; меня толкнули, я упала прямо на парту, да на чернильницу. Скажи спасибо, что руку не сломала!

Так мы „отдыхаем“ на перемене в школе. Пишите предложения о том, как отдыхать на переменах.

КЛАССНАЯ ДОСКА 3

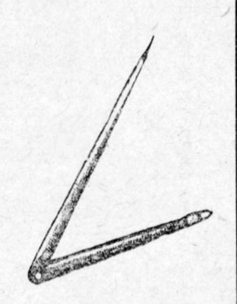
Можно самим сделать классную доску. Денег на нее тратить не придется.

Сделав по желаемым размерам доску, надо ее окрасить. Окрасить же, как вообще красят вещи, в черный цвет ее нельзя, так как мел тогда будет плохо ложиться на доску. Для этого есть специально составленная краска. Рецепт этой краски такой.

Для первого покрытия (доска покрывается краской три раза) берут: 2 части угольного порошка, 2 части истолченной в порошок пемзы, 1 часть глета. Все это растирается в растворе 2 частей терпентинного и 20 частей льняного масла. Этой краской доску надо покрасить очень тонким слоем и затем дать ей просохнуть (дней девять-десять).

Для второй и третьей покраски смесь угольного порошка, пемзы и глета в тех же пропорциях надо растереть с 50 частями терпентинного и янтарного масла. Этой смесью доску полируют и оставляют сохнуть каждый раз дня на 3—4.

После каждого раза, как доска высохнет, ее надо шлифовать мелким песком с водой. Все указанное можно купить в любой москательной лавке.

ЦИРКУЛЬ

Возьмите две березовых планки 50 *см* в длину и толщиною в 2—3 *см.* Облицевав их с одного конца сантиметров на 20, надо на половину толщины их срезать. Потом в утонченных местах, ближе к концам, склепайте эти две палочки обрубленным гвоздем, но с таким расчетом, чтоб они туго раздвигались. В длинный конец вбейте острый, тоненький гвоздь, а конец другой палки вровень с иглой обейте упругим железом. Когда прибьете железо, прорежьте немного в четырех сторонах и погните, чтоб лучше пружинило. В эту железку вставляется мел и циркулем свободно можно чертить на доске. 4

ВЕЧНАЯ ЛАМПАДА

Эта „лампада“ не потребует у вас ни керосина, ни спичек, она сама загорится, как только стемнеет, сама потухнет, как только будет светло. Сделать ее очень просто: в склянку налейте чистого оливкового масла (на уровне трех четвертей банки). Положите туда небольшой кусочек фосфора (с горошину), а потом закупорьте герметически эту склянку.

Вот вам и все устройство „лампады“.

Если, когда свет от фосфора прекратится, то откройте склянку минут на 6, чтобы вошел воздух. Или вот сделайте такую бумагу, которая бы также была источником света. Тоже простое устройство.

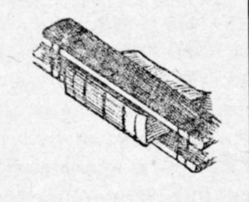
Обыкновенный лист бумаги покройте тонким слоем гуммиарабика и обсыпьте мелким порошком сернистого кальция. При свете этой бумаги ночью можно даже писать.

Фосфор, порошок и все остальное можно купить в аптекарском магазине.

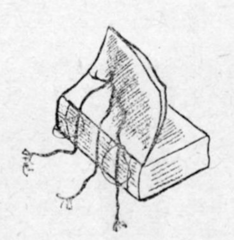
5

КАК ПЕРЕПЛЕСТИ КНИГУ БЕЗ ИНСТРУМЕНТОВ

Нехорошо, когда книга превращается в кучу отдельных листиков, которые валяются один в сумке для книг, десяток на столе, десяток под столом! Лучше, если книга целая. А как ее удержишь целой, если она без переплета и рассыпается? Надо переплести. Сделать это нетрудно, давайте поучимся. Необходимые инструменты для этого: обыкновенная пила, если ее нет — острый нож, иголка с ниткой и перочинный нож.

Прежде всего книгу надо разделить на тетрадки так, как они сложены в корешке; если корешок сильно проклеен, положи книгу корешком вверх и смачивай его мокрой тряпочкой, пока клей не размокнет. Если в книге есть разорванные листы, их надо хорошенько подклеить и высушить. Затем проверь листы по номерам страниц и плотно уложи лист к листу в корешке тетрадок. Теперь надо плотно связать книгу бечевкой, выровнять корешок легкими ударами книги о стол и пропилить пилой или ножом гнезда для бечевок поперек корешка (см. рис.), крепко держа корешок около пилы двумя пальцами левой руки.

Пропиливать надо на глубину половины толщины бечевки: нужно, чтобы пропил сделал дырочки на внутренних местах тетрадок. Таких борозд делают три. Кроме того делаются еще два прореза на концах корешка не бороздой, а прорезом вглубь по одной линии. Все это — заготовка для сшивания книги.

Затем отрезаются 3 кусочка бечевки тонкой, но крепкой, длиною в четыре-пять раз больше толщины книги. Приготовляется иголка с ниткой, длиной около метра. Пропиленная и прорезанная в корешке книга развязывается и кладется на стол справа от работающего, корешком направо. 6

Затем берут первую сверху тетрадь, разгибают пополам и, держа корешком вверх, продевают иглу с ниткой снаружи внутрь тетради в первый от конца корешка прорез, оставляя снаружи кончик нитки. Дальше иголка идет изнутри наружу в первый пропил для бечевки, огибает бечевку и возвращается через тот же пропил внутрь тетради; так же поступают со второй, затем с третьей бечевкой. Иголка выходит наружу в крайний прорез уже с другого конца корешка, нитка берется за оба конца и натягивается, а бечевки выправляются поперек корешка, причем те концы их, к которым будут пришиваться остальные тетрадки, должны быть на толщину книги длиннее.

Потом берут вторую тетрадь, разгибают, как и первую, и, держа корешком вверх, приставляют рядом с первой тетрадью.

В левую руку берут снизу первую тетрадь вместе с половиною второй (другая половина свободна и на весу), а правой продевают иголку с ниткой внутрь тетради в соответствующий крайний прорез и пришивают вторую тетрадь к бечевкам, идя иголкой в обратном направлении, чем в первой тетради.

Иголка с ниткой наконец выходит в тот крайний прорез, которому соответствует свободный конец нитки у первой тетради. Здесь оба конца нитки натягиваются, бечевки выравниваются, и концы ниток завязываются узлом. Затем таким же порядком пришиваются следующие тетрадки. Когда книга сшита, корешок выравнивается о стол, сжимают его пальцами, стараясь вытянуть бечевки за концы, чтобы тетради прилегали плотнее одна к другой.

Незашитые концы бечевок после того растрепываются. 7

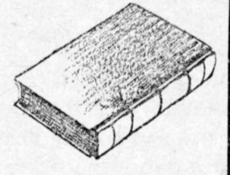
С той и с другой стороны книги наклеиваются по согнутому пополам листу чистой бумаги, сгибом к корешку. Клейстером намазывается только узкая полоска возле сгиба.

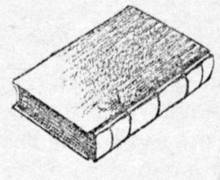
Затем вырезывается картон для корок, с трех сторон немного шире и длиннее книги, и только со стороны корешка — по книге. Корки приклеиваются к книге за размоченные бечевки, отступя от корки на $^{1}/_{4}$ *см.*

Размоченную пеньку бечевок надо хорошо промазать клейстером, расположить тонким слоем и поверх наклеить бумагу в два слоя.

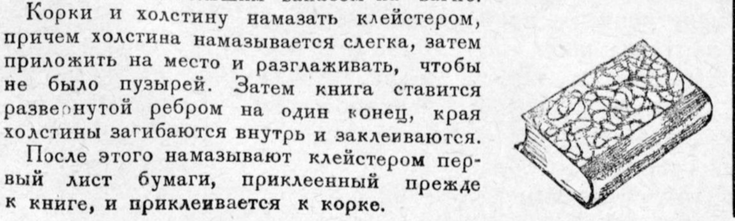
Корешку придают легкую выпуклость, как это бывает у переплетенных книг, для этого берут одной рукой средние тетради книги, а другой нажимают бока корешка.

Затем промазывают его клейстером. После этого книга кладется под тяжелый предмет — и переплет готов.

Если хочется сделать переплет красивее и прочнее, то надо еще обклеить книгу материей. Это делается так: через сутки после того, как книга положена для высыхания под пресс или тяжелый предмет, надо ее вынуть, обрезать по линейке корки, оставляя по краям некоторые излишки. Затем углы к корешку чуть срезать, а наружные хорошо закруглить. Затем надо вырезать кусок материи (холстины) соответствующей величины, с небольшим запасом на загиб.

Корки и холстину намазать клейстером, причем холстина намазывается слегка, затем приложить на место и разглаживать, чтобы не было пузырей. Затем книга ставится развернутой ребром на один конец, края холстины загибаются внутрь и заклеиваются.

После этого намазывают клейстером первый лист бумаги, приклеенный прежде к книге, и приклеивается к корке.

Замечательный водопровод 8

В прошлом году ребята одной школы устроили каток. Они его очень интересно поливали. Водопровода у них не было, колодец стоял от площадки довольно далеко. Сперва ребята стали цепочкой и передавали ведра с водой от колодца до площадки. Но вода расплескивалась (а кому приятно на морозе быть облитым?) и дело шло очень медленно.

Тогда ребята вырыли в снегу от колодца до площадки канавку, полили ее водой, и когда она замерзла, стали качать воду. Вода лилась по канавке и заливала площадку.

И что замечательно: раньше было занято на поливке человек 40, а теперь воду качал один человек и дело шло гораздо быстрее. Качали по очереди.

А не попробовать ли и вам в школе сделать таким образом каток?

ВЕЧНЫЕ МЕШКИ

Обыкновенно, когда в мешках приходится держать что-нибудь сырое или мешки много бывают в употреблении, они очень скоро изнашиваются; посадишь заплатку, а он уж в другом месте продырявился. Чтобы мешки так скоро не изнашивались, их надо с первого раза вымочить в отваре дубовой коры.

Сделайте это так: 1 кило коры положите на $1^{1}/_{2}$ ведра кипящей воды (такое количество даже достаточно для 30 мешков) и опустите туда мешки, которые держите там сутки. По истечении этого срока выньте и прополощите в чистой холодной воде.

ВИКТОРИНА ОТВЕЧАЕТ

Вопросы см. на стр. 1.

1. Вата и серная кислота гигроскопичны, т. е. они впитывают влагу и не дают окнам покрываться снегом.

2. Потому что лед легче воды; охлажденные слои воды застывают на поверхности коркой льда, а затем лед и снег на нем предохраняют воду от промерзания. Если бы лед был тяжелее воды, то он опускался бы на дно и тогда вода замерзала бы сплошной глыбой.

3. В проруби сравнительно тепло ($+4^0$); снаружи холоднее (ниже 0^0), поэтому вода, испаряясь, переходит в капельное состояние, сгущается, валит паром.

4. Облака для земли—как одеяло, они не дают остывать земле; при безоблачности усиливается лучеиспускание земли, ее остывание.

5. Температура тающего льда 0^0, вода кипит при 100^0 по Цельсию и при 80^0 по Реомюру. Есть еще термометр, принятый только в Соединенных штатах Америки—Фаренгейта; снег тает по Фаренгейту при 32^0 и вода кипит при 211^0.

6. Чтобы перевести градусы Реомюра в градусы Цельсия, надо разделить число градусов Реомюра на 4 и помножить на 5. Чтобы перевести градусы Цельсия в градусы Реомюра, надо разделить число градусов Цельсия на 5 и помножить на 4.

7. Хлама в снегу всегда много: в нем и копоть от домовых и фабричных труб, и навоз, и крупинки от стертых подошв, подков и т. д., но только не видно его потому, что около каждой крупинки сора лежат сотни снежинок, но в оттепель, когда большая часть снежинок растаяла, и на одну крупинку сажи приходится только несколько снежинок, они бросаются в глаза, почему и снег кажется грязным.

8. Содержащаяся в почве влага замерзает, при замерзании расширяется и вызывает образование трещин.

9. Снежный налет на деревьях и на других предметах в виде кристалликов называется инеем. Он образуется благодаря тому, что влага из воздуха выпадает на предметы, под влиянием охлаждения поверхности предметов от лучеиспускания. Так как значительное лучеиспускание совершается при отсутствии облаков, то обильное появление инея может быть только при ясном небе.

10. Изморозь получается тогда, когда после сильного мороза подует теплый и влажный ветер. Ветер приносит с собой пары воды, которые, прикасаясь к холодным предметам, замерзают и одевают их ледяным покровом. Изморозь выпадает на наветренных, преимущественно вертикальных поверхностях предметов; и таких, которые долее удерживают на себе холод (стены каменных домов) или вокруг которых свободно обращается воздух (тонкие ветви).

11. Тяжелые глыбы скорее падают, так как они легче преодолевают сопротивление воздуха.

12. Вагон не может двигаться с места, потому что трение между колесом и рельсом при гололедице бывает недостаточным, чтобы сдвинуть вагон с места. Для увеличения трения, а следовательно для движения вагона вагоновожатый посыпает из особой песочницы на рельсы песок.

13. Те же, что жили и летом, только дикие северные олени с наступлением суровой северной зимы передвигаются несколько к югу.

14. Клесты питаются еловыми и сосновыми шишками, поэтому: 1) нос у них загибается крестом, когда они еще птенцами достают носом семячки из шишек; 2) птенцов они выводят зимой, потому что корма вволю; 3) труп сохраняется потому, что в еловых и сосновых шишках много смолы, смола и не дает его телу гнить после смерти.

15. Северный полюс был открыт в 1926 г. американским авиатором Бэрдом. Спустя две недели Северного полюса достиг известный полярный исследователь Амундсен на дирижабле „Норге".

16. Для того, чтобы препятствовать скольжению, отчасти охлаждению рук, если лыжник идет без рукавиц.

17. Октябрь — Жовтень, Ноябрь—Листопад. Декабрь — Грудзень, Январь—Січень, Февраль—Лютий, Март—Березень.

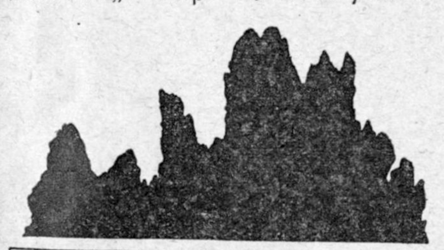
18. В южной Японии царит вечное лето. В северной же части многочисленные озера замерзают на короткий срок в середине декабря. Около Токио, столицы Японии, замерзает лишь одно озеро Дува (ок. 600 метров над уровнем моря), которое посещают тысячи конькобежцев из Токио и Иокогамы. Первый конькобежный кружок основан иностранцами в 1905 г.

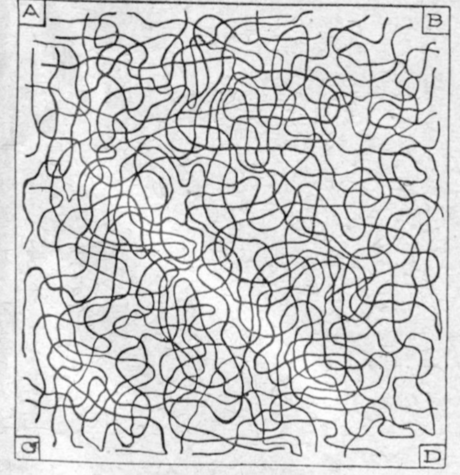
? ? ? ? ?

№ 1. АЭРО-КОНКУРС

(На конкурс)

Один иностранный аэро-клуб устроил конкурс на премии. Он обещал выдать призы тем авторам, которые сумеют облететь контур горы на наиболее близком расстоянии. Конкурс этот привлек многих авиаторов. Так как читатели „Пионера" не могли участвовать в этом конкурсе, то можно попробовать хотя бы найти этот путь на бумаге. Наверху нарисован силуэт горы, вдоль которой должны летать аэропланы, а внизу—целый ряд удачных и неудачных воздушных путей участников конкурса. Среди этих путей есть один, который и взял приз. Не сумеете ли найти его, ребята?

№ 2. ЗАДАЧА О ПОЕЗДАХ

Два товарных поезда № 1 и № 3 выезжают из А в В, в то время, как два других товарных поезда № 2 и № 4 выезжают из В в А. Поезд № 1 встречается с № 2 в 120 километрах от А и с № 4 в 140 километрах от А. Поезд № 3 встречается с № 2 в 126 километрах от В, а с поездом № 4 на полпути между А и В.

Каково расстояние между этими двумя станциями А и В? Все поезда идут одинаково и нормальным ходом.

№ 3. БОЧЕНОК С МАСЛОМ

(На конкурс)

Крестьянин привез из города полный боченок подсолнечного масла, весом в 10 килограмм, для своей семьи и для своего соседа. Не имея никаких гирь и других мер, необходимо было это масло разделить между собой пополам. Как же они разделили эту покупку пополам?

№ 4. ВОПРОС

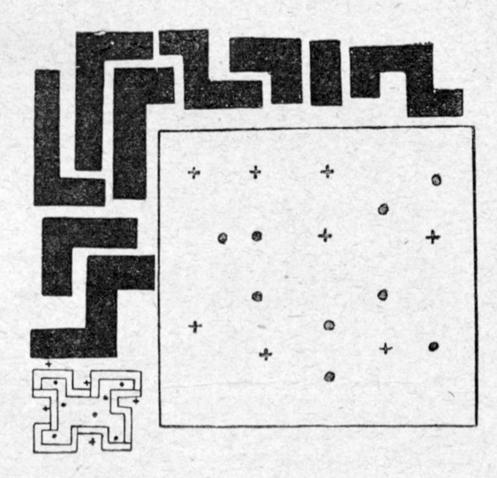
Почему коньки скользят на льду?

№ 5. ЗАДАЧА

У трех крестьянок было 24 кувшина, из которых 5 с молоком, 8 пустых и 11 наполненных наполовину. Как нужно разделить между этими крестьянками кувшины, чтобы, не переливая молока, каждая получила по одинаковому количеству кувшинов и одинаковому количеству молока?

№ 6. ГОЛОВОЛОМКА

Переведите на бумагу черные кусочки и вырежьте их. Затем все девять частичек разложите на данном прямоугольнике так, чтобы полученная непрерывная линия отделила кружки от крестиков. Сбоку для примера показан такой способ складывания.

ДЕТКОРК ДКРУЖОК

открывается при редакции «ПИОНЕР».

Кружок будет давать ответы по всем вопросам деткоровской работы. Московские ребята, записывайтесь в деткоркружок!

ВНИМАНИЕ!

В первом полугодии 1929 года „ПИОНЕР" об'являет конкурс отдела ????? !!!!! на решение задач

УСЛОВИЯ 1-го КОНКУРСА:

1. В конкурсе имеют право принимать участие все подписчики и читатели.

2. За каждую правильно решенную задачу, помещенную в журнале, будет засчитано по 1 очку; за решение же особенно трудных задач будет засчитываться по 2 очка, о чем после текста задачи будет всегда указываться особо.

3. Последним сроком высылки решений считается день выхода в свет номера с решением этих задач.

4. Фамилии решивших задачи и ответы на письма будут печататься в журнале.

5. Читателям предлагается присылать для помещения в журнале оригинальные (т.-е. еще нигде не напечатанные) задачи. За каждую напечатанную в журнале задачу автору ее будет засчитываться до 3 очков, в зависимости от содержания задачи.

6. Все задачи должны быть обязательно снабжены подробными решениями, чертежами и рисунками (хотя бы в черновом виде).

Весь присланный материал может быть исправлен по усмотрению редакции.

7. По окончании конкурса будет подсчитано число очков, набранных участниками конкурса, и между читателями, получившими наибольшее число очков, будут распределены именные премии, причем ценность премий будет зависеть от количества набранных очков.

8. Всю корреспонденцию следует направлять по адресу редакции „Пионер": Москва, Новая площадь, 6, изд-во „Молодая гвардия", с указанием „На конкурс задач".

! ! ! ! ! !

Цена 20 коп.

!!! ВСЕ, КТО УМЕЕТ РИСОВАТЬ !!!

КОНКУРС

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ОБ'ЯВЛЯЕТ

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ РИСУНОК

В КОНКУРСЕ МОГУТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ

ВСЕ ШКОЛЬНИКИ И ПИОНЕРЫ

КОНКУРС

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

Рисунок можно исполнять карандашом, пером, кистью, акварельными и масляными красками.

Все лучшие рисунки будут помещены в журнале в течение 1929 года. На неиспользуемые рисунки будут даны ответы в журнале или по почте. Рисунок присылать в конверте с указанием своего адреса, с надписью **„На конкурс рисунков"** (Москва, Новая площадь, 6. Редакция „Пионер").

ТРИ ЛУЧШИХ РИСУНКА ПРЕМИРУЮТСЯ:

I. Премия им. Кузьки:
I. Книжка худ. А. Лаптева—„Как научиться рисовать". 2. Картина худ. Репина. 3. Комплект масляных красок.

II. Премия им. „Бумеранга":
I. Альбом для рисования. 2. Комплект акварельных красок. 3. Книжка В. Лебедева—„Охота".

III. Премия им. КИП'а:
I. Готовальня. 2. Альбом для рисования.

Присылайте рисунки до 1 апреля 1929 г.

Жюри в составе: I) редактора „Пионера" И. Разина, 2) Кузьки, 3) художника Н. Н. Куприянова, 4) художника А. Лаптева и 5) одного участника конкурса,—сообщит о результатах конкурса не позже 15 мая 1929 г.

БОЛЬШАЯ ВЕЩЕВАЯ ЛОТЕРЕЯ

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР"

ПОДПИСАВШИХСЯ НА ГОД и ПОЛГОДА НЕ ПОЗДНЕЕ 1 МАРТА 1929 года.

БУДЕТ РАЗЫГРАНО

320 вещей на сумму 3.000 руб.

В ЧИСЛЕ ВЫИГРЫШЕЙ:

велосипед, ружья, фотоаппараты, радиоприемники, микроскоп, бинокли, будильники, лыжи и пьексы, коньки с ботинками, наборы слесарных, столярных и др. инструментов и много др.

Москва, Главлит А 29.459. Изд. № 3.120. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. 35.000 экз.